

Дмитрий Цаков

Зов
Морены

Славянский дом

18+

Славянский дом

Дмитрий Цаков

Зов Морены

«Автор»

2026

Цаков Д.

Зов Морены / Д. Цаков — «Автор», 2026 — (Славянский дом)

У каждого ребенка наступает момент, когда он полноценно входит в род и обретает права полноправного члена семьи. С получением имени от великих Предков, он также обретает ответственность, силу, право влиять на семейные вопросы и решения. Имя – это не только набор символов для распознавания, но еще и духовный оберег и благословение божественных Предков в помощь талантам и развитию ребенка. Над домом славянским возникла угроза вселенского масштаба, едва уловимые намеки природы чувствуются в воздухе. Великие Предки засыпают, твари постепенно населяют Явь и несут с собой погибель. Навь трещит по швам, темная материя сочится из нее, разливаясь на землю энергией тоски и отчаяния. И только божественная Правь недоступна, но надолго ли? Родившись в это непростое и жестокое время перемен, юноша должен не только развить свои способности и выжить, но и повлиять на текущие события, а по возможности предотвратить катастрофу. Ведомый долгом и ответственностью, он начинает свой путь.

© Цаков Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Дмитрий Цаков

Зов Морены

Предисловие

Это первая книга из серии «Славянский дом», которая положила начало прекрасной истории в стиле темного славянского фэнтези. Жестокие бои, сложные решения, моральные дилеммы, проработанный мир, ворожба, магия и мудрость древних жрецов и волхвов – все это вы найдете в этом мире. Здесь нет места слабости и трусости, а только долг, семейные узы и преемственность поколений. Это мир наших предков, который учит тому, как правильно поступать, и что такое «жить по кону».

Продолжая прочтение данного произведения, вы подтверждаете, что вам есть 18 лет и свое согласие с нижеуказанным.

Данное произведение доступно только лицам старше 18-ти лет, и может содержать детальные описания боевых сцен, увечий и насильственной смерти. Произведение не носит цели шокировать, поразить/оскорбить читателя. Некоторые сцены, места, диалоги, события и герои являются вымышленными и введены для усиления художественной образности. Данное произведение носит исключительно развлекательный характер и не используется для распространения информации с целью опорочить гражданина/отдельные категории граждан, в том числе по признакам пола, возраста, расовой/национальной принадлежности и иным признакам. Данное произведение не направлено на оскорбление человеческого достоинства, общественной нравственности, религиозных чувств верующих, осквернение литературы/предметов религиозного характера, знаков/эмблем мировоззренческой символики/атрибутики. Данное произведение не содержит призывов к осуществлению/поддержке террористической/экстремистской деятельности/организаций, а также иной противоправной деятельности, в том числе изготовлению, хранению, употреблению, распространению наркотических средств и не является пропагандой вышеуказанной деятельности. Целью данного произведения не является распространение заведомо ложной информации под видом достоверной и/или демонстрация действий, выражающих неуважение, дискредитацию общества/государства/официальных государственных символов. Данное произведение не призывает к совершению действий/бездействия против общественной безопасности и общественного порядка. Мнения, озвученные в данном произведении, являются оценочными суждениями и в соответствии с принципом свободы слова, закрепленным в Конституции РФ, свободны к распространению и не являются призывом к совершению противоправных действий, а также формируются исключительно в рамках фэнтезийной книжной вселенной «Славянский дом». Совпадения имен и событий случайны. События недействительны. Приятного прочтения!

Глава 1

Кудрявый, светловолосый мальчишка сидел на небольшом насте из соломы. Рядом, едва сдерживаясь от того, чтобы не задремать, сидел мальчик темно-русый с милой родинкой на щеке. Вокруг были еще несколько детей, один из которых, суетливый, пытался палочкой выковырять что-то из земли. Другой же мальчик, который сидел на соломе, наблюдал за облаками, опершись сзади на руки. Особенно интересный юноша сидел прямо перед стариком и смотрел будто бы насквозь. Непонятно, здесь ли находились его мысли в этот момент, но лицо было задумчивым. Девочки выглядели более собранными и ответственными, реагировали на рассказы старика и периодически задавали вопросы. Да и в целом они были более собранными и с удобством расселись на бревнах, которые любезно приволокли для них юные кавалеры. Но и тут, видно, не без трудностей, все девочки прилагали массу усилий, чтобы удержать осанку и не сторбиться, поскольку занятие шло уже не первый час. Старец с умилением наблюдал, как юные девочки пытаются походить на своих уже взрослых и самостоятельных матерей, перенимая их привычки и воспитание. Они внимательны и усидчивы, учатся отвечать на важные вопросы. Но, справедливости ради, когда парни вырастут, им тоже зададут вопросы. Пусть и не в таком количестве, но не менее серьезные.

- Так что, дети, – довольно бодро продолжал старик, – весь окружающий нас мир это творение божественное. А мы, как потомки богов, дети их и внуки, должны беречь их дар и совершенствовать его. Не боясь их гнева, продолжать род, учиться и чтить предков, которые веками копили для нас знания. Старик медленно встал с пня, опершись на фигурно вырезанную трость, и посмотрел вдаль. Взгляд его упал на дорогу вдоль реки. Там была компания девушек постарше, которые опускали плетеные из красочных цветов венки в воду. С интересом они смотрели, как по течению плывут их гадания. А когда венки скрылись за поворотом реки, то девушки с задорным смехом, припрыгивая, помчались следом, попутно выжимая намокшие рукава платьев. В такую чудную погоду всегда радостно погулять вдоль речки, вкушая всю ее прохладу и свежесть. Палящий зной согревал, но не утомлял жителей деревни, которые аккуратно к обеду вернулись с работы и нежатся в теплых лучах солнца.

- И что бы мы ни делали, дорогие мои, - продолжал старец, – не изменить нам того, что мы тоже часть этого мира. И когда вы поймете силу нашего языка, силу слова, то сможете говорить с этим миром и пользоваться его всеобъемлющей мудростью. Помните, не только Явь, но и мир Нави и Прави говорит с нами на одном и том же языке.

Жрец обернулся и не мог не заметить оживившуюся детвору, но тут же жестом поднятой руки остудил пыл. Юные и любопытные сердца всегда разжигали в нем огонь юности.

- Прежде чем задать вопрос, подумайте, тот ли это вопрос, который вас на самом деле интересует. Я отвечу только на один для каждого. – Последовало небольшое молчание, дети призадумались, что даже ковыряние палкой в земле уже не казалось таким интересным.

- А сейчас мне пора к Князю. Служба ждет. Все завтра, - бормоча, старик побрел в сторону деревни по едва заметной тропинке. – Завтра, все завтра.

По главной, уже пыльной дороге неслись отголоски детского смеха. Близились обедина¹, а значит, что после будет и трапеза. Все важные фигуры деревни соберутся на обсуждение бытовых вопросов, выслушают жрецов с посланиями от Князя, а так же Волхвов, с их мудростью и советами. Сам Князь присутствует на таких сборищах только в праздничные и важные для деревни дни, такие, как грядущий день окончания Великой Ледяной Войны. А настанет

¹ Обедина - общее собрание перед обедом. Используется для обозначения времени – полдень.

этот день уже завтра, в Неделю² будет большой праздник, веселые танцы и важные ритуалы, чтобы духов упокоить. Закончилась война двенадцать лет назад, много чуров³ появилось в то время по всей деревне. Не было ни одной семьи, которая не потеряла бы отца, деда или же сына.

На собрании было шумно. С одной стороны доносился басистый гул работяг и ремесленников, которые весь день выставляли праздничные столы на поляне у леса. С другой же стороны сборища стояли кузницы, от которых до сих пор доносился лязг металла. Этим мастерам достаточно было отправить от себя представителя, чтобы не останавливать работу. Закалка металла не терпит перерывов. Говорят, что помимо подготовки к празднику у них еще княжеский заказ, вот и трудятся в поту. Периметр поляны был уставлен высокими деревянными столбами, на которых весели украшения из вязаных платков. Украшены были и ближние к поляне деревья, на которые были бережно повязаны цветные ленты. Такие же ленты молодые девушки вплетали себе в косы на праздники, чтобы выделиться. А девочки помладше, по совету матери, обшивали ими свои сарафаны. В центре празднества мужчины собирали ритуальные костры, задача была собрать четыре больших костра в форме квадрата, хотелось собрать восемь, но поляна не уместила бы столько, да еще и со столами. Так что полного Солнцеворота⁴ не получится. Да и куда там такой размах, в деревне жили не больше сотни славян, и то большая часть женщины и дети. Работа шла полным ходом, никто не остался безучастным. Противно было славянскому мужу отлынивать от работы ради общего дела и блага. Со стороны села доносились: «Ну-ка, взяли!», «Эээх!», «Завтра отдохнем, сегодня дел невпроворот», и другие ободряюще возгласы. Иной раз можно было услышать многоголосие ободряющих песен. Никому не было дела до качества их исполнения, но особо рьяных лентяев, все же, осаживали, задавая ритм. Дружным было селение и до войны, а после и вовсе как родные стали. Большая часть и не участвовала в тех событиях, но, не смотря на это, коснулись они в деревне каждого. Помнится только, что уже в Рюене⁵ морозы пришли лютые, кусачие, а снега и в помине не было. Земля в тот год вымерзла, уничтожая побеги и молодые растения, листья с деревьев падали и разбивались о землю, как хрустальные. Видимо только Лешегоб³ заслуга, что не вымерзли насмерть леса. Охотники говорили, что находили в лесу причудливые ямы и тоннели, с множеством гнезд и пещер разного размера, кучи соломы, песка и хвороста. Они верят, что Леший лично вырыл и снабдил эти ямы, чтобы животные не погибли и переждали мороз, согревая друг друга в самодельных пещерах. Так и видится картина, как зайцы к медведю под шкуру лезут, лишь бы потеплее было. Такова здесь природа, которая проживает с людьми в гармонии и по одним и тем же законам. А с голодом того времени справились быстро, какой же наш человек запасов то не имеет в погребах и кладовых? Натуральный обмен позволил всем остаться наплаву, не ужимаясь и отказываясь от той или иной шумной посиделки.

Мужичье пораньше закончили свои работы, а значит дотемна можно побольше в бане посидеть. Зайдут мужики на порог, попросят у Банника⁷, да пригласят его вместе пропагаться. Сначала мужчины идут, кладут Баннику в парилку мыла кусок, да воды чистой с веником. Но не пользуются ими, это Банника, личное его. А как закончат процедуры, то обяза-

² Неделя – 9-й, завершающий день рабочей «недели» у древних славян. Дословно: ничего не делать, нет дел. Считается выходным днем.

³ Чур – деревянный идол, который ставили возле домов, чтобы умершие родственники обратились защитниками дома после смерти.

⁴ Солнцеворот – символ солнца у славян, представляющий собой восьмиконечный крест, лучи которого замыкаются в дальних от пересечения точках, создавая иллюзию движения

⁵ Рюен – Сентябрь. Назывался месяц так из-за рева («Рюен» и «Рёв» одно и то же слово) оленей, у которых началась течка, других зверей и шума ветров.

³ Леший – духовный хранитель леса, который заботится и оберегает деревья и фауну. Тех, кто нарушает его правила, мог заставить по лесу блуждать до истощения или даже смерти.

¹ Банник/Банница – Дух, обитающий в бане, способный дать людям хороший пар и исцелить от множества разной хвори. Если правила не выполнять, то заморить может, а то и убить.

тельно приберут в место укромное до следующего раза. Никто пьяным в баню не ходит, и не пьет там ни бражки, ни меда, это место силы, очищения, незачем там еще пачкать себя. А если плюнуть там решил на пол или на камни, то жди, что обиженный Банник в ответ плюнет, да не слюной, а кипятком ошпарит. И не каждый день даже Банник принять гостей готов, особые дни нужны были, важные, чистые. Много правил было у Славян, особенно в общении с духами, сильными и необузданными. «Кто в бане парится, тот долго не старится». Каждый дух некогда живой душой был в теле, как и все жители, с уважением относились к любому порождению трех миров. Но уважать, не значит во всем потакать, крепкого кулака любая темная тварь могла получить, если хулиганить удумала. Однако чаще духи эти помощниками были и наставниками, объясняли хитрости и секреты, не скупясь на советы щедрые.

Дотемна продолжались работы по оформлению важнейшего для деревни праздника. Как единый организм работали жители, постоянно подбадривая друг друга и подшучивая чего зря. Постепенно разбрелся народ, да и отошло ко сну село славянское. И тихо так стало на улице и во дворах, что слышны были далекие лесные совы. Никто без надобности не выходит из дома по ночам, только жрецы, волхвы и воины. Много опасностей таит в себе темная ночь, лишь избранным приоткрывая свою завесу тайны. А иногда так хочется выйти и почувствовать эту свежесть ночную, запах приближающейся россы, что вот-вот траву оросит. Пройтись по манящему туману, окутавшему поле, превратив его из золотого в серебряное. И только песня сверчков сопровождает тебя в этом одиноком прекрасном походе. Мягкий ветер слегка колышет верхушки деревьев, словно сама ночь тебе шепчет о покое и умиротворении, скрывая свои истинные секреты и тайны. Темна ночь славянская, ох, темна.

С первыми петухами жизнь закипела в селе. Сутра скотину покормили, молока на завтрак надоили, каши наварили. А хлеб-то какой теплый и мягкий получился, не нарадоваться. Испечешь сутра теплую буханку, так она своим ароматом всю избу заполнит, что и вставать не лень с печи теплой. Все праздники у славян принято поутру праздновать начинать, ночью никто не беснуется, не принято так. Девицы красные из домов выбежали, и сразу к столу, яства раскладывать и бражку разливать. А парни молодые стоят, красуются, кудри колосистые свои под повязки прибирают. Сапоги начищены, бороденки, что только-только проступить начали, ухожены, рубахи очищены. Да только дел еще много и красоваться рано, так что каждому нашлось занятие на приготовлении к празднику, вот и отправили молодых за барабанами и другими музыкальными инструментами. Ну, какой праздник без музыки и пляски? Детвора бегают вокруг и пытается до украшений допрыгнуть, мол, кто больше вырос за ночь, у кого прыти больше. Им-то рано еще кокетничать, все вместе играют, и мальчишки и девчонки, все равны. Погода стояла ладная, хоть и близится осень, а солнце греет как летнее, но иной раз уже можно было заметить летящие за лес косяки птиц. Радостно они перекрикивались в полете, регулируя свое направление. Только отдельные бабушки и женщины постарше достали платки шерстяные, видать, не нравятся им ветра осенние. Как бы крепко не было здоровье славянское, беречь его все равно нужно. Не работали без надобности на износ ни мужик, ни баба, да и одевались всегда по погоде. За большие столы выдвинулась делегация жрецов, что с богами совет держат, и кто при Князе сидит. Детвора, пробегающая мимо, весело приветствует их, кто рукой помашет, кто подпрыгнет от радости, а были и те, кто сторонился стариков. Встречали дети их как дедов родных, которые подарки принесли им, да угощения. Улыбаются старики, не могут удержать серьезные вдумчивые мины перед детскими счастливыми лицами. К одной из девчушек подошел старец и положил руку на плечо. Девочка расплылась в улыбке, но сразу осеклась, засмушалась и за подол платья матери спряталась.

- Ну, что же ты, платье то не задирай мне! – По-доброму шутила мать, вызывая всеобщий смех.

Молодые люди и девушки учтиво поклонились головой в приветствии. Лишь на одной старший жрец задержал свой взгляд, пристально изучая поясок. Девица же стыдливо отверну-

лась, так же поступил и юноша, стоявший поодаль. Не стал ничего говорить жрец, но все трое друг друга поняли. Уселись жрецы по левую руку главного стола, оставляя места Князю и воеводе. Старший жрец, советник Князя, подозвал к себе бабу повитуху⁸ и шепнул ей что-то. Бабушка поклонилась, и строго глянула на недавно засмушавшуюся девушку. Дело то нехитрое, главное подойти к нему ответственно.

Последними подошли волхвы, не такими были чистыми их наряды, как у жрецов, но аура у них была мощная, добрая, но давящая. Как укрыться тяжелым одеялом перед сном. Давит немного, тяжеловато, но сон будет крепким и здоровым.

- Братья и сестры, - начал гонец – Князь здесь! Князь идет!

На поляну двигалась высокая фигура в кольчуге с рукавами из плотной дубленой кожи. На спине висел красный плащ на грудной застежке, чей подол едва касался земли. Из под плаща виднелись гарда и рукоять меча, выступающие из ножен. Походка гордая, размеренная и спокойная. Комфортно было Князю в этой деревне, он считал это место своим домом. Светловолосый, румяный, с добрым взглядом, статен и крепок в теле. Широкой бороды Князюшка не опускал, но добротой за ней ухаживал, а глаза, озерного цвета, блестели на солнце. Девушки вокруг сразу поправили платья, а косы перекинули через плечо на грудь. Подобная демонстрация красоты аккуратно собранных волос служила для привлечения внимания. Следом шел воевода - крупный мужик с густой бородой. Голос низкий, но мягкий. В железной кольчуге, темном плаще, и булавой за поясом, раза в два крупнее, чем княжеский меч. Истинно исполинских размеров был Добрыня, одной только рукой мог так ухватиться, что и за жизнь не выберешься. Множество сражений прошел воевода, о чем судили шрам на щеке и огрубевшие руки.

Князь Владимир тяжелой поступью кожаных кавалерийских сапог зашел во главу стола и молвил:

- Здравы будьте братья и сестры! Отцы и матери, мудрые жрецы и верные волхвы. Я хочу, чтобы сегодня мед лился рекой, чтобы праздник был на славу, во имя тех, кто даровал нам эту возможность. Возможность сидеть сегодня за одним столом с родными людьми и не ведать печалей и горестей.

Владимир резким движением руки схватился за чарку, полную меда, попутно разливая половину на стол и под ноги, и поднял над головой. За ним повторили все, кроме жрецов, волхвов и детей. Осушив бокал, Князь с глухим древесным стуком поставил его на стол.

- Да будет праздник! – закончил Владимир и уселся за стол. Зазвенела музыка, разразились барабаны и жалейки⁹, загудела толпа за столом. Струны плакали, балалайки ревели, барабаны выдавали ритм. Юные славянки сорвались с места и пустились меж столов плясать. Завидев это, парни ринулись следом, подхватывая более скромных девушек с собой. Пары танцевали и перемешивались, хватались за руки и за плечи, описывали круги, а эти круги замыкались в круги побольше. Танцы были активными, веселыми, полными смеха и озорства. В свете костров эти молодые люди напоминали скачущие тени, которые скользят по водной глади буквально неосознанные. Кто-то завел «ручеек¹⁰» и скорость танца немного уменьшилась. Оно и правильно, сил хочется сохранить на весь день. Молодые пары, проскальзывали друг между другом как рыбы, ловкие и свободные, замыкая реку танца. Озорные женские взгляды и танцы будоражили молодую кровь, да так сильно, что парни стали показывать кто во что горазд.

- А ну-ка, давай! – послышался крик из толпы.

¹ Повитуха – женщина, принимающая роды.

¹ Жалейка – духовой музыкальный инструмент древних славян, представляющий собой что-то среднее между дудочкой и флейтой. По звуку напоминал жалостливый плач.

² Ручеек – парный славянский танец, в котором одни пары протекают сквозь другие словно река.

Как по волшебству пары образовали небольшой круг, освобождая место в центре. Первый парнишка выбежал в центр, рухнул на одну руку и стал плясать ногами, отталкиваясь от земли, будто по воздуху бежит. Его сменил следующий с широким раскатистым выпрыгиванием, да так высоко, что человека бы перепрыгнул. Только последний прыжок у парнишки не получился, но его это не волновало. Весь танец он смотрел всего на одну рыжеволосую стройную девушку, которая кокетливо закручивала косичку вокруг пальца. Она и не поняла, что танец не вышел, но поняла нечто более важное. Все это действие девушки комментировали озорными частушками, словно заученными заранее. И никто не обижался на слова шуточные, а лишь отвечали тем же, с не меньшим озорством.

До самого вечера продолжались танцы, смех и веселье. Разные дары несли Князю ремесленники и торговцы, забредшие в деревню. Безуспешно и девицы пытались обратить внимание князя на себя, но холостой Владимир был не приклонен. Все его внимание занимала выпивка и разговоры со жрецами, которые чем-то сильно раздражали воеводу. Все заметили, как он нервно закусывает усы, когда от них поступают советы Князю. И не ревность это была, и не было места между ними недоверию. Всего один факт, что Князь был вспыльчивым и горячим, вел к тому, что он мог не так истолковать их советы и напутствия. А такой роскоши в его распоряжении не было. Оттого и тревожился Добрыня за Князя, не как за сына, но как за младшего брата точно.

Осень все больше укорачивала день, так что стемнело довольно быстро. Все гости праздника выстроились вокруг костров в хороводы, и словно зачарованные стали двигаться по кругу в один такт с барабанами. Жрецы выдвинулись к главному костру и окружили его квадратом, собой образуя недостающие лучи солнцеворота. Начался ритуал, и прозвучали заговоры, толпа танцующих, строчка за строчкой повторяли их:

Слава Роду¹, родителю народа!
Слава создателю нашего рода!
Роду, создателю нашей природы,
Народу, потомку нашего Рода.

Души упавшие, род защищавшие,
В земле пролежавшие, уставшие.
С аистом в Ирий² улетевшие,
С лебедем к Роду ушедшие.

Тело – земля, рука как река.
Дух, душа, небеса.
Те, что за нас ушедшие за день
С миром покойтесь. Слово – Камень!
Да будет так! Слово – Камень!

В этот самый миг вершилась магия. Из леса к кострам устремилось множество световых потоков, напоминающих шерстяные плотные нити, намотанные на швейные крючки. Славянские души, уставшие и измученные, как мотыльки летели к теплому сиянию ритуальных костров. Наполненный душевными страданиями воздух тяготил и осадком оседал в легких, не позволяя дышать полной грудью. Поднялся ветер, зашумели леса, раскатами по полю прокатился

¹ Род – верховный Бог в славянской культуре. Считается создателем всего сущего и прародителем славян. Отсюда и самые важные слова с корнем «Род»: «Родители», «Рождение», «Природа».

² Ирий – по некоторым поверьям является славянским раем. Славяне верили, что находится он на земле и до него можно добраться. По легенде перелетные птицы перед зимой направляются именно в Ирий.

шепот павших предков, которые не смогли обрести покой. Не было спасения этим душам, чьи тела разлагались в сырых лесах на усладу зверей и насекомых. Хриплый шепот сменялся воем агонии и пульсацией отдавался в висках всех присутствующих на празднике. Злость и боль неуспокоенных предков яркими струями пронизывала воздух, устремляясь к спасительному свету костра. Достигая заветной цели, духи вместе с дымом возносились к небу, постепенно обретая покой, лишаясь злых умыслов и болезненных воспоминаний. Из таких предков, трагически оставшихся в сырой земле, не получится сделать чуры и обереги. Жрецы могли только освободить их, очистить и подарить последнее пристанище, дабы не обращать своих братьев в ужасные и омерзительные создания. Духи довольны, слышался благодарный шепот некогда бывших героев великой войны. Верили славяне, что и после смерти человек живет, жива его душа, которая с высоты своего вознесения наблюдает за потомками, направляет их и оберегает. Потому то и чтили предков, потому что не сомневались, что им всегда помогут.

Старые мудрые жрецы завершили ритуал и рухнули на колени от усталости. Уже остывший холодный пот прокатился по их лбам и бородам. Не всем предкам нашлось место у костров, не всех можно спасти. С удивлением жители обнаружили, что два ритуальных костра потухли, словно залитые вязкой черной смолой. Тяжелый дым струился от них к небу, окрашивая пространство в цвет грозовых туч.

- Надобно Князю сказать...- еле дыша промолвил жрец Сварога¹, осматривая потухший костер.

- С такими делами не шутят, ритуал закончился неправильно. – Согласился старший жрец.

Опираясь на посохи и трости, как третью ногу, побрели жрецы к покоям Князя, который уже давно покинул столы и занимался делами деревни. Праздник закончился, и люди стали расходиться по домам. Мало кто из них осознал серьезность ситуации незаконченного ритуала освобождения душ, жрецы тоже не горели желанием сеять панику. Но чувство единения с душами не пропадает и через столетия, так что странные ощущения были с селянами до самого утра. Кто-то из деревенских, перебрав браги, поминал старые песни, кто-то остался за столом, продолжая банкет. Но хватило одного взгляда воеводы, чтобы все опомнились и вели себя соответствующе. Не ругался он и не бранился, а лишь напоминал, кто они и когда следует знать меру в своих словах и поступках, а тем более гуляниях. Отдельные парочки прогуливались вдоль реки. Молодые люди провожали красавиц до дома, не имея ни малейшего желания расставаться, лишь робко касались друг друга пальцами, не решаясь взяться за руки. Постепенно грустнели их лица, словно завтра и вовсе не встретятся, но настанет новый день, и вновь взойдет солнце, даруя славянам силу и прыть.

Огни погасли в домах. Горели только отдельные свечи в княжеском доме советов. По такой ситуации были собраны главные действующие фигуры деревни во главе со жрецами и волхвами. На повестке стоял вопрос, требующий немедленного вмешательства.

- Кназюшка, уже двенадцать лет мы не в силах вернуть оставшиеся души к предкам. – Начал жрец. В голосе слышалась обеспокоенность. – И ритуал становится все сложнее. Держат их, что-то их держит.

Краткий гул покотился по палате. Каждый год праздник позволяет отправить в последний путь души покойных товарищей, но с каждым разом их все меньше.

- А вы что скажете, волхвы? – сказал Князь, опираясь на подлокотник деревянного резного кресла.

Из тени вышел старец, на плече его сидел крупный ворон, взгляд был серьезным и не менее обеспокоенным. Одет был в волчьи шкуры, а в руках ютился крепкий и довольно длин-

¹ Сварог – Бог второго круга славянского пантеона. Сын Рода и супруг Лады. Считается, что именно Сварог принес на землю огонь и обучил славян кузнечному делу.

ный деревянный посох, на верхушке которого красовалась резная воронья голова. Ворон же изучал обстановку, но не терял своей величественной стати гордой птицы. «Ну и жуткий же тип» - подумалось каждому в палате, но сказать это никто бы не осмелился. Его темно-серая борода едва прикрывала широкую грудь, на ней висели заплетенные косички с разной ведической атрибутикой. В одном месте он вместо заколки даже использовал полированную куриную кость, которая в любой момент могла быть использована для заговора или ворожбы.

- Доброго здравия тебе, Владимир, имя мое Радимор, сын Пересвета. Я жрец Морены¹!

На этот раз недовольный гул не последовал, сменившись на шепот. Все осознавали сложность его работы и жертву, которую он принес ради деревни. Другое же дело, что присутствующих пугала неведомая им сила, бесконтрольная и холодная. Мало кто на этом смете мог поведавать о том, на что, на самом деле, способен этот колдун. Да и желания иметь дел с мертвыми ни у кого совершенно не было, темным считалось его колдовство, опасным.

- Души привязаны к местным лесам. Их убили каким-то колдовством, которое мне неведомо. – Продолжил жрец спокойным и вкрадчивым голосом. – Но точно знаю, что колдовство это темное и могущественное. Боюсь, что нам не спасти оставшихся братьев и сестер.

- Темное и могущественное? Да кому как не жрецу Морены тогда знать о нем? – возмутился один из жрецов, что только недавно прошел обряд посвящения. Стоит ли упоминать, что он получил всеобщее осуждение за небрежно брошенный упрек. Ворон на плече блеснул голубым светом из глаза и захлопал крыльями, готовясь сцапать свою добычу. Радимор стукнул посохом о древесный массивный пол. Гордая птица успокоилась, но глаз все так же пристально следил за неучтивым жрецом. Сам же жрец Морены давно уже не обращал внимания на подобного рода возгласы. Он адекватно оценивал молодость и неопытность, но переходить черты не позволял никому, в том числе и Князю, который сам был не обделен чувством такта.

- Юный жрец плохо разбирается в понятиях, моя госпожа не имеет отношения к темным ритуалам, даже если она богиня смерти. Природа этой силы слишком обширна и подвластная не только ей. – Звенящая тишина, которая воцарилась в комнате, заставляла понервничать. – Может, попробуешь и меня обвинить, жрец? – Язвил Радимор с прищуром серых глаз, обрамленных седыми бровями.

- Довольно. – Оборвал Князь. Казалось, что он единственный был спокоен в этом помещении. – Что мы можем сделать, жрец?

- Я не знаю. Но могу узнать, – произнес он с некоторой таинственностью.

- Тебе что-то нужно? – Князь протер рукой лицо, пальцами слегка надавливая на глаза, которые, судя по всему, устали за день.

- Да, – ответил жрец и побрел к выходу из палаты, - завтра ночью велите всем сидеть дома и не выходить. Все должны вернуться к домам до заката и осыпать солью двери и окна. В округе еще полно духов, которые с каждым днем черпают силу из своих страданий.

- Это все?

- Не все. Еще курица.

- Какая еще курица?

Радимор замер в дверях, и его взгляд остановился на полу, словно что-то изучая.

- Две курицы, – продолжил он, – которые еще не неслись. Привяжите на тропе у самого леса, я сам заберу их.

Жрец Морены вышел и бережно закрыл за собой дверь. Какое-то время в палатах княжеских была слышна его пошаркивающая поступь по песчаной тропинке. Постепенно всем стало немного спокойнее и даже теплее, как казалось. Отношение собравшихся к Радимору было неоднозначным, неопределенным. Многие страшились тайн, о которых он ведал и кото-

¹ Морена – богиня зимы и загробного мира Нави. Она погружает природу в сон, приближенный к смерти и провозжает оскверненные души в мир Нави.

рым служил, потому и предпочитали его избегать по возможности. Но, опять же, наверняка никто не готов его заменить на этом посту,

Князь подозвал к себе воеводу и что-то шепнул ему на ухо. В ответ Добрыня лишь кивнул и также покинул палату вслед за жрецом.

- Что с моим заказом кузнецам? – Вопросал Князь уже более расслабленно, облокотившись на спинку кресла. Бытовые вопросы, как и любые другие, требовали также подробного отчета.

- Завтра к полудню будет готово. – Ответил коренастый темноволосый мужчина, который, судя по всему, только вышел из кузни. Фартук кузнеца был вымазан в копоти и грязи, от него разило гарью и потом.

- Я хочу, чтобы эти фонари весели вдоль дороги, и кто-то постоянно подпитывал их и зажигал. – Секретарь собрания, молодой парнишка, активно записывал княжеские указы. - Хватит с нас темных ночей.

Далее обсуждались насущные вопросы. Сбор урожая, подготовка соломы, дров и хвороста, корм для скота, погреба продуктов. Так же такие вещи, как подготовка лошадей, телег и маршрутов сообщения деревень. Обсудили и купцов, которые были сегодня на празднике. Многие из их товаров показались Князю заманчивыми, а другие же опасными и лишними, которые способны смутить разум честных славян.

- Да, был там один новый торгаш, - слышалось из толпы.

- Стоял и глядел на всех, не понравился он мне – прозвучало с другого конца.

- На грека похож, а товаров при себе не имел никаких, и палатку торговую не раскладывал.

- А ведь была телега при нем, - продолжил первый, - за деревней оставил ее.

Некоторое время собравшиеся по крупицам собирали информацию о незнакомце, включающую в себя описание мужчины, какие вещи были с собой, откуда пришел.

- Если не ушел, приведите его завтра ко мне, - подытожил князь, - точнее пригласите, понятно?

Старые войны утвердительно кивнули. Жрецы глянули на них с недоверием. Они сомневались, что подобные войны подойдут для такой дипломатической миссии. И, поймав на себе взгляд князя, который буквально кричал «присмотрите за ними», утвердительно кивнули.

Отдавая последние распоряжения, Князь закончил собрание. Все понимали, что ему следовало бы выспаться перед поездкой. Это не единственная деревня была, которой он заведовал, но единственная, которую он считал своим домом. Именно она первой приняла на себя удар в великой войне, заплатив самую высокую цену. От чего и переживал он за их становление и благополучие, когда столько мужчин, ратных воинов, пали от рук врага. Поговаривают даже, что князь лично работал на стройке дома советов, но это мало кто видел, а кто видел – молчат. Когда все уже разошлись, вернулся Добрыня. Слегка пригибая голову, чтобы не удариться о верхний порог дверного проема, он тяжелой поступью вошел в палату. Оглянувшись, что они с Князем остались одни, он, по его же приглашению, сел за стол.

- Что тебе сказал Ратимир? – начал Князь, наливая себе чарку вина.

- Он сказал тоже, что и в прошлый раз. Шли на деревню, не ведая ни боли, ни сожалений. Глаза пустые и бледные, словно мертвые встали из могил. – Было видно даже через кольчугу, как у бывалого война на руках встали волосы дыбом.

- Откуда в этих краях могилы, он сказал?

- Не знает он, – Добрыня призадумался, почесывая свою бороду, – Но вот что странно, обувь была у них стерта по самую щиколотку, у некоторых даже вместе со ступнями. У кого-то и вовсе от сапог одни ленты остались и лоскуты. Словно они...

- Словно шли издалека, – закончил фразу Владимир. – В это я охотно верю. В наших краях нет безумца, который бы своего любимого и родного человека положил гнить в сырую землю к червям. Потому то мы и сжигаем погибших. Тело умирает...

- А душа живет дальше, - закончил на этот раз уже Добрыня. Он был одним из немногих, кто мог позволить себе договорить фразу за Князем, перебив его.

Немного помолчав, Добрыня отправился в свою комнату отдыхать. Владимир сидел в деревянном резном кресле и размышлял о том, какая причина была нападения двенадцатилетней давности. Он не мог с уверенностью сказать, стихийное бедствие это было, или же спланированная акция. Допив свою чарку, Владимир по лестнице дошел до своей спальни. Уже в самой комнате он, двигаясь в сторону постели, попутно расстегивал на облегченной кожаной броне заклепки. Спать улегся в исподнем, большая часть вещей была на полу. Только старая привычка заставляла каждый раз ставить меч в изголовье кровати так, чтобы его легко можно было выхватить, даже находясь во сне. А ведь если подумать, всего раз в жизни ему это помогло и тут же превратилось в ритуал, без которого и уснуть уже не получится. Ночной сон Князя, как и вся деревня, охранялись ночным патрулем его эскорта, не потому что не доверял кому-либо, а потому что так надо и так правильно.

Ночной освежающий воздух окутал деревню. На небе облачно, сияние луны видно только в отблесках соседних облаков. Едва ощутимый ветер покачивал ветви деревьев и траву у дороги. Все шло своим чередом. Души, которых могли, отправили в Ирий, и деревня задышала легче, как легкие, которые освободились от едкого дыма. Более четко стали слышны лягушки у деревенского пруда. А пение птиц перестало быть далеким и одиночным. Когда в одном месте происходит большое скопление духов, то даже мысли начинают путаться и теряться. Такая сильная энергия, как неуспокоенные души, способна навредить рассудку человека и задеть самые тонкие струны его души. Да и не только души, скопление такой мощной силы порой выражается в физическом мире. Это могут быть и болезни и проявления природных катаклизмов, пусть и не в глобальных масштабах. Но если знать, как с ней обращаться, с энергией этой, то она может стать добрым помощником и сильным оружием в руках человека. Но не стоит забывать, что это не перестает быть энергией души, и рано или поздно она иссякнет, оставляя после себя только измененные инстинкты, жестокость и злобу. Только моральный кодекс лично каждого из нас может дать ответ на вопрос, использовать эту силу или нет, даже если и во благо.

На краю деревни, у дороги, кузнечных дел мастера проверяли работу фонарей, которые заказал князь. Они подвешивали их на небольшие столбы и заправляли какой-то жидкостью. Грамотного стеклодува не было в деревне, так что относительно герметичных фонарей вышло только два. Вот и решили повесить их по краям деревни, чтобы путники издалека могли увидеть деревенский маяк, как корабли в тумане. Так и сами жители могли бы сразу понять, что за гость явился в деревню. Признаться честно, идея неплохая, но хлопотная. Сам Князь не раз говорил, что придерживается старых традиций, но не гнушается выделять людей и средства на прогресс, который пойдет на благо деревне.

Только чуть солнечные лучи коснулись княжеского двора, как выдвинулся по дороге конный отряд из пяти человек. Возглавлял отряд сам Владимир, по правую руку, чуть поодаль, за ним ехал Добрыня на гнедой. Трое стражников в кольчуге, с увесистыми мечами на поясе, и походными плащами ехали следом. На выезде из деревни их встречал Ратимир, это стало подобием ритуала в этой деревне.

- Ратимир, – властно молвил Князь, – безопасность деревни на тебе. По поводу грека... - князь подъехал вплотную к матерому воину, – пошлешь мне гонца, он как-раз недавно прибыл, отдыхает. Я хочу знать, кто был этот человек. А мы убываем в срочном порядке.

Долго князь расшаркиваться не любил, и как закончил свои инструкции, то пришпорил свою кобылу и рысью пошел на выезд из деревни. Его спутники повторили, только Добрыня замедлил ход, проезжая мимо Ратимира.

- Береги себя, брат. – Молвил воевода. В голосе слышались доброта и обеспокоенность.
– Дай знать, и мы примчимся.

- И ты себя. – Отозвался бодрый голос. – В добрый путь!

Делегация покинула деревню, и, немного погодя, пошла галопом. У княжеских палат уже хлопотали женщины, приводя в порядок помещения и готовясь к новому прибытию гостей. Палаты представляли из себя бревенчатое двухэтажное здание с широким крыльцом, накрытым соломенной крышей. Первый этаж начинался с высоты человеческого роста, как и само крыльцо. Под первым этажом находилось подвальное помещение с частью вооружения и княжеский погреб. Он фактически являлся большой залой, где проводились собрания с князем и парой комнат для воеводы и княжеской прислуги. По правде говоря, прислуга это громко сказано. Разумеется, за Князем ухаживали и оберегали его покой, но он был таким человеком, который не позволял себе этим злоупотреблять. Второй же этаж представлял из себя длинный коридор по обе стороны от лестницы с комнатами для отдыха, из которых была занята только одна. Легкое сопение, не дотягивающее до храпа, доносилось из той комнаты. Судя по состоянию лошади, привязанной в небольшой княжеской конюшне, это был гонец. Одному Роду известно, сколько верст он преодолел, чтобы успеть вовремя приехать с посланием, вот теперь и отсыпается. Местные понимали непростую работу гонца, старались не будить и передвигаться тише, насколько это было возможно. За лошадью же ухаживали, вычесывали и мыли, ей давалось в достатке овса, сена и воды. Когда снимаешь седло с уставшей лошади то можно увидеть белый, словно мыльный налет, так лошади потеют. Оттого и появилось выражение: «Как лошадь, загнанная в мыле».

Постепенно жизнь вернулась в свое русло. Простой люд не беспокоился о вещах, неподвластных их пониманию. Все оставшиеся дела, включая ритуал и заботу о душах, оставили сведущим людям – жрецам и волхвам. Привычные дела в полях и спокойная деревенская жизнь были в некотором роде даром для этих людей. Никто не подозревал, почему закончилась та, пусть и короткая, но кровопролитная война. Но все помнили и знали, что беда нагрянула внезапно, также внезапно и ушла. Люди были настороже, что немного омрачало их праздные деревенские будни.

Глава 2

В эту ночь супруга отказалась отпускать Ратимира одного, и после заката отправилась следом за ним к подножию холма. Маленький ветхий мостик, собранный из небольших бревен, соединял холмистые поля и дремучий лес, где обитал колдун. В темной чаще виднелся маленький пляшущий огонек, это был жрец Морены. Медленной поступью, буквально выплывая из-за деревьев, показался сначала его силуэт, а затем уже стали различимы черты его лица.

- Доброй ночи тебе, Радимор, – здоровалась Агния, стараясь скрыть свою неприязнь, что получалось довольно неплохо.

- И вам доброй ночи. Тоже здравствуй Ратимир. – В руках воина затрепыхались курицы. Он Может и недолюбливал старца за его любопытство, которое граничило с безумием, но опускаться до невежества не хотел.

- И тебе здоровья, жрец.

- Рад, что мы еще можем соблюдать правила приличия в родной деревне.

Радимор замолчал и пристально стал осматривать супругу Ратимира. У него поднялась одна бровь, а голова слегка качнулась назад, изображая едва заметное удивление.

- Агния, ты же понимаешь, что тебе не стоит присутствовать? – Уточнял жрец, демонстрируя, словно видит ее насквозь.

Женщиной ее язык не поворачивался назвать, но и девушкой уже она не была. В ее хрупком теле было куда больше силы и преданности, чем можно было представить. В ответ она лишь едва заметно улыбнулась жрецу, а удивленный Ратимир, казалось, единственный остался в неведении.

- Это еще почему, Жрец? – Агния хотела остановить возмущение супруга, но Радимор ее опередил.

- Поверь мне, мой старый друг, не все следует нам знать, что знать хочется.

Каким бы не был человеком жрец Морены, но своей госпоже служил исправно, от чего и наделен был великой силой. Сам тот факт, что он говорит с проводниками смерти, а может и самой Мореной, придавал солидный вес его фигуре. Ратимир не стал допытываться и оставил Агнии факел, супруга же в ответ смирила его добрым и ласковым взглядом. Когда их фигуры скрылись в лесной темноте, Ратимир заговорил:

- Спасибо, что отнесся с пониманием, ей не нужно видеть это таинство.

- Ну что ты, друзья ведь должны помогать друг другу. Разве ты забыл, как мы на войне прикрывали друг друга спины?

- Конечно, не забыл, но то было давно, - пренебрежительно ответил Ратимир. - Мы достаточно отошли. Колдуй уже, а то не видно ничего.

- Как пожелаешь, - отозвался жрец.

Плавным движением руки Радимор затушил свечу и бережно убрал в карман своего балахона. Тьма окутала старых друзей, что даже носа своего не было видно. Старец что-то шептал, когда у его друга рефлекторно рука легла на рукоять меча. В тот же момент глаза вороньей головы, что вырезана на посохе, загорелись, освещая лес ярким конусом.

- Что-то свет какой-то холодный, – язвил Ратимир, – потеплее не сделаешь?

- Ты и такого не можешь.

Лесная тропа, которая повидала уже немало охотников, вела вглубь леса. Путь был хорошо освещен магией старика, оттого по сторонам лес казался в разы темнее из-за пляшущих теней. Ратимир реагировал на каждый шорох, вспоминая, как в давние времена сражался здесь. Старые повадки никуда не денешь, особенно в этом лесу, который был последним оплотом защиты родной деревни.

- Тебя так и не отпустило?

- Веди давай.

Лес послушно расступался перед идущими. Когда, казалось, что тропика приведет напрямик в дерево, она плавным изгибом выводила к новым поворотам. Тихонько вдалеке свистели ночные птицы, ветки деревьев покачивались от перепрыгивающих белок. Постепенно Ратимиру становилось спокойнее, в особенности, когда они свернули на одинокую тропику, которая была уже не такой популярной, как предыдущая. С каждым шагом смешанный лес менялся и преобразовывался. Хвойных деревьев становилось все больше, и лес казался просторнее. Кустарники и небольшие березы уступали места елям, а высокие дубы и клены – соснам. Не смотря на то, что окрестности и сам лес изменились, эти места казались знакомы Ратимиру, но он никак не мог вспомнить откуда. Каждый шаг своего путешествия он думал, что вот вот вспомнит что-то, но все попытки не увенчались успехом. Странное ощущение уже давно поселилась в голове матерого воина, ведь он всю жизнь живет в этих местах и не раз охотился. Казалось, что все маршруты и тропы он уже давно должен был выучить наизусть, но мутные события давности не позволяли чувствовать себя уверенно. Попутно жрец Морены рассказывал о своих предположениях по поводу Великой Ледяной Войны. Он считал, что ключ к завершению войны, которую они оба пережили каким-то чудом, лежит в памяти старого друга. И это могло бы дать ответы на вопросы о душах и ритуалах изгнания. Думать так ему позволял давний рассказ Ратимира и загадочные обстоятельства его появления в деревне после сражения, не говоря о том, что война закончилась непосредственно с его появлением.

- Слушай, жрец, а тебе курицы нужны были живыми? А то они что-то трепыхаться перестали.

- Не беспокойся, это я их угомонил.

- Как это? Я даже не заметил.

- Не за что.

Вдалеке, между одиноких сосен, виднелся неухоженный и потрепанный дом старца. По правую руку от него было несколько грядок с разными травами, большую часть из которых Ратимир видел впервые. По левую руку на земле валялись трухлявые и довольно крупные бревна и пни. Маленький ветхий забор окружал небольшую территорию вокруг дома, служивший ему опорой и защитой. Не смотря на его бедный вид, он обладал большой магической защитой и чарами сокрытия от посторонних глаз. Об этом говорили амулеты и магическая атрибутика на небольших кольях, к которым крепился забор. Среди прочего можно было встретить, кости животных, перья и лапы птиц, а так же различные острые клыки и когти хищников, некоторые из которых даже не водятся в этих местах.

- А бревна тебе зачем? Помочь убрать?

- Спасибо, не нужно. Там грибы растут.

Некоторое время воин рассматривал бревна, но грибов так и не увидел. Перед ним только было несколько трухлявых и гнилых пятен, где, наверняка, грибы и росли. Он обернулся, когда его окликнул Радимор, который уже стоял в дверном проеме.

- Пошли, ночь короче, чем кажется.

Тяжелая входная дверь покосилась и заскрипела под натиском Ратимира. Убранство внутри было бедное, но не сказать, что захламленное или грязное. Деревянная лавка у стены, плетеные корзины с фруктами и травами. Еще несколько пучков трав висели вдоль стола на просушке. В самой печи тлели угли, и стоял какой-то глиняный горшок. Особенно бросалось в глаза большое пятно копоти прямо над дверцей печи, оставленное большим и неконтролируемым пламенем, которое явно было нужно для какого-то колдовства. В противном же случае такое пламя могло бы напрочь сжечь всю готовку. На полке, вдоль стены по левой руке, хранились непонятные порошки костного содержания, о чем намекал стоящий там же обглоданный и чистый заячий череп.

- А в печи что? Зелье какое-нибудь?

- Каша. Будешь?

Ратимир недовольно отвернулся и продолжил изучать дом. На большом деревянном столе, стоящем у окна, находились небольшие ступки, глиняные чашки и черепки. В отдельных мешочках было что-то рассыпчатое, возможно камушки или крупные орехи и семена. Жрец взглядом сразу дал понять, что не стоит их трогать, и воин послушался. Тем временем в печи оказался небольшой чугунный чайничек, подарок от кузнеца.

- Чай будешь?

- А что это?

- Трава такая, в горячей воде заваривается.

- Не нужно мне трав никаких, я здоров.

- Как угодно.

Жрец молча взял в руки курей и привязал их возле небольшого кострища, выложенного камнями, в котором лежали, пусть и почерневшие, но все еще горячие. Интересная была конструкция, если подумать, ведь огонь разводился прямо на деревянном полу не вызывая пожара. Хотелось думать, что хотя бы здесь не замешана магия, а весь секрет в хитром инженерном решении. Колдун выложил в ступку содержимое одного из мешочков и принялся измельчать пестиком.

- Это что, кости животных? – сморщился Ратимир.

- Да, но не отвлекай, ворожба дело тонкое, ошибиться нельзя. – Жрец сосредоточился, не забывая следить за другом, который постоянно задавал вопросы.

Радимор внимательно отмерял пропорции трав и разных порошков, перемешивая это в глиняных черепках. После чего медленно и методично высыпал на горячие угли, усердно перемешивая своим посохом. Угли становились жидкими и были больше похожи на забродивший суп, приправленный разными порошками из костей и специй. Пока шли приготовления, Ратимир заметил в окно на заднем дворе дома какую-то тропинку. Она была заросшей и почти не хоженной, вела вглубь леса.

- Радимор, куда ведет вон-та тропа? – Воин указывал на задний двор, - не припомню ее в этом лесу.

- Туда нам пока что не нужно. И, надеюсь, никогда не потребуется. А теперь подойди, все готово. – Отмахивался от вопросов жрец, постоянно намекая, что далеко не обо всем он может говорить и рассказывать.

Радимор взял в руки блестящий порошок и бросил в жидкое зелье, образовавшееся на месте кострища. На мгновение изба озарилась светом, сопровождаемым громким треском, больше напоминающим раскат молнии. Оба прищурились, а воин закрылся рукой от яркого света. После того как стемнело он заметил, как курицы, толи со страху, толи заклинание так сработало, снесли по яйцу. Яйца эти переливались серебряным оттенком, и у них была необычная аура.

- Ратимир, - начал жрец, – ты помнишь сказ о курице и золотом яйце?

- Помню, – недоумевающе отвечал воин.

- А знаешь ли ты ее смысл?

- Радимор, мне некогда отгадывать загадки, - терял терпение Ратимир, - говори, что нужно делать?

- Я к тому и веду! Торопиться нельзя. – Обеспокоенно объяснял жрец. – Сказ говорит о том, что курица, как символ начала, принесла людям золотое яйцо, как символ знания. Но оно было им непостижимо, потому предки и не смогли его расколоть. Видишь ли, оно оказалось для них слишком сложное для понимания и усвоения, после чего курочка снесла им обычное яйцо. Знаниями по итогу поделилась, но уже не такими сложными, а вполне себе доступными. Эти яйца...

- Они для меня? – вопрошал воин, немного волнуясь от того, что жрец открывает ему до сели неведанные смыслы.

- Я уверен, что ты готов узреть эти знания, что они для тебя. – Жрец медленно протянул серебряное яйцо другу. – Ты сможешь увидеть тот день снова и понять, что произошло на самом деле. Брось его в зелье своей рукой и присмотришься. Только не роняй, не будь как мышь из сказа.

Ратимир недовольно фыркун, после чего сосредоточился, взял в руки еще теплое серебряное яйцо и наклонился над зельем. Нерешительность, а может предчувствие не давало ему сделать этот последний шаг. Он мог узнать все в этот момент, но не знал, готов ли к этому. Внезапно он посмотрел мимо яйца и сфокусировал взгляд на курицах, которых принес. Безжизненные они разлагались прямо на полу лесного дома, от них остались одни кости и гнилое мясо, в котором всего лишь за какие то мгновения успели завестись опарыши. Ни перьев, ни ключа, ни даже звука они не издали мгновенно погибнув. Жуткая вонь и вид разлагающегося мяса от птиц, которые только что были живы, сразу дали понять, что это черная ворожба. В ужасе воин бросил взгляд на старого друга, в попытках найти оправдание ему и самому себе за участие в ритуале черной ворожбы. Жрец пристально с едва заметной улыбкой нетерпения смотрел на руку Ратимира, которая удерживала яйцо. В его глазах читалось безумие и безудержное любопытство, сравнимое лишь с многолетним голодом и воздержанием. Одним мгновением Радимор хлопнул по руке с яйцом, и оно полетело напрямик в зелье. Тщетны были попытки поймать его, и, оказавшись вплотную к ворожбе, воин увидел то, что всегда хотел забыть.

Густая красная капля скатилась по лезвию меча и устремилась к земле под ногами. Рослый молодой воин медленно перешагивал через сугробы. Поступь его была тяжела, то ли от глубокого топкого снега, толи от раны, полученной в бою. В голове воина была мысль лишь о том, как добраться до бабки врачевательницы. Он не плутал, а только выбирал окольные пути через чащу лесов, чтобы не столкнуться с новым противником, поскольку эта встреча могла стать последней. Наспех смотанная повязка на рану останавливала кровь, но не могла вылечить ни его увечье, ни душу. Воин был побежден и мысленно обращался к праотцам за помощью и поддержкой. Не за свою жизнь переживал мужчина, а за дом, за семью и родные места. Его поражение означало только одно – ближайшие деревни будут гореть. Да так гореть, что зарево будет видно на сотни верст. Он должен был успеть предупредить, что нависшая беда есть воля злой и неведомой до сегодняшнего дня силы, недоступной для понимания обычному деревенскому мужику. В заснеженном лесу даже ночью можно было разглядеть скрытые тропки и очертания звериных следов. Сугробы и снежные насыпи на ветках деревьев переливались множеством оттенков серых, голубых и белых цветов. Холодный ночной ветер не трогал воина, а лишь покачивал ветки, изредка сбрасывая снег на землю. Природа замерла, заснула вечным сном. Не слышен был шепот деревьев и кустов, не чирикали птицы. Даже ворон не было слышно в этом ночном мертвом лесу. Тишина леса убаюкивала и окутывала мужчину. Его клонило в сон, в последний сон. Но старая воинская закалка не позволяла ногам остановиться. Первыми сдались руки. Меч, который всю дорогу оставлял кривой росчерк на снегу в такт его шагам, стал невыносимо тяжелым. Руки его отпустили. Руки, не воин. Спустя несколько сугробов сдалась голова. Изредка поднимая взгляд, чтобы не упереться в дерево, славянин брел почти не ощупь. Глаза стал застилать туман, а ночные создания, которые мерещились по всей округе, нагоняли в голову все более мрачные и жестокие мысли о смерти родных, о горящих домах, об обращенных воинах и сыновьях. Тот ужас, который изувечил мужчину, нерушимой картиной предстал перед глазами, вызывая мучительные и болезненные воспоминания, трогающие саму душу. Обезумевшие тела, не знающие пощады, вставшие из могил, обезображенные, обглоданные и мертвые. Разъяренные медведи в человеческих разорванных кафтанах с топорами на поясе, наступающие на двух ногах. И даже деревья, давно сгнившие пни, тянулись из земли корешками, чтобы ухватить за ноги. Не видел бы он это своими глазами, то точно

решил бы, что рассудок его подводит. Он подумал бы так, если бы не видел, если бы не сражался, и если бы чудом не избежал смерти от острых как бритва зубов и когтей. Раз за разом славянин прокручивал в голове все подробности боя, чтобы рассказать в деревне. Нужно было подготовиться к следующему нападению, пока есть время. Эти порождения темной неведанной магии были не просто угрозой, а чумой, поражающей сам род.

Может, шли минуты, может уже часы, но лес все не заканчивался, а только видоизменялся. Ухабов стало меньше, снег лежал более ровно без сугробов и холмов. Смешанный лес миновал и начался сосновый. Пропали кусты, пропали ямы и изломанные ветки. Впереди только прямой снежный ковер посреди сосновых столбов, слегка прикрывающих ясное звездное небо. Израненный славянин выбился из сил и перестал рукой давить на перемотанную рану под ребром. Колотая, быстрый и точный удар ржавого меча где-то со спины. Воин медленно достал охотничий лук и дальше двигался, используя его как опору. Кровь на ране загустела, после чего замерзла на обшитом мехом кафтане. Силы перестали покидать воина, но больше их не стало. Вдалеке виднелся причудливый пенёк, он отличался тем, что снега на нем не было. Достав с пояса нож для разделки шкур, воин двигался к этому пню, опасаясь возможности внезапного нападения. Посреди леса между снегов и замерзших деревьев на пенечке сидела молодая девушка, чьи черты были видны все отчетливее по мере продвижения. Сложив руки на коленках, с приподнятой головой она сидела, изучая кроны величественных и высоких сосен. Легкий летний сарафан с причудливыми серебряными узорами едва прикрывал плечи, как у молодых девушек из деревни, только выглядел богаче, блесстел. Узоры были незнакомы воину, который и без того уже мало что различал перед глазами. Подбит был сарафан широким красным поясом с теми же необычными картинками и рунами. Подойдя ближе, воин голосом обозначил свое присутствие, чтобы не пугать девушку, а может и не девушку вовсе. Все пережитое в этом лесу подсказывало не спешить доверять своим глазам, ставка была сделана лишь на отточенные долгими и изнурительными походами инстинкты. Девушка не ответила на приветствие и осталась недвижимой. Не было уверенности в том, жива ли она, покрытая льдом, каким река покрывается в первые дни зимы. Замерзшая, одинокая ледяная статуя поблескивала переливами света. Ее серые глаза были как зеркала, отражали звезды и кроны деревьев, в них, по ощущениям, все еще теплилось сознание. Черные волнистые локоны длиной до самого пояса лежали на плечах неподвижно. Необычными казались и выразительно чем-то подкрашенные черным глаза и алые полные губы. «Ты была бы первой красавицей в моей деревне» - прошептал воин и страдальчески опустил глаза на подол. Из-под подола ее платья, словно изо льда вытканного, виднелись голые щиколотки и ступни. Девушка была босая, только магия могла заставить человека прийти в лесную глушь в такой мороз совершенно без обуви. Ни что другое в этом мире не может заставить человека так застыть посреди леса. Думал воин о том, как много страшной магии живет в этом мире. Если в лесах орудуют темные силы, то именно они способны на такое бесчинство. Но красоты у девушки было не отнять, и молодой воин признал это где-то в глубине израненной души. В знак уважения, а может и сожаления о своей беспомощности, мужчина снял с себя плащ и укутал им девушку, после чего двинулся дальше, что-то бормоча под нос про богов и судьбу. Через несколько шагов только он обернулся и поймал себя на мысли - «как живая». Слабость от потери крови брала вверх. Воин оступился и всем весом облокотился на охотничий лук. Промерзшее донельзя оружие не выдержало и сломалось пополам, едва не проткнув мужчину, который чудом увернулся в падении, спасаясь от того, чтобы быть пронзенным собственным оружием. Упал набок, перекатился на спину, раскинул руки. Хруст ломающегося лука прокатился по лесу и вернулся эхом в этом замерзшем мертвом лесу. После была только тишина. Недвижимый, израненный, уставший воин смотрел на кроны посеребренных сосен. Все замерло. В легком бреду мужчина сожалел о том, что если он замерзнет как эта девушка, то найдут его по весне совершенно не героически. Он так и оста-

нется телом посреди, пусть и прекрасного, но бескрайнего и одинокого леса. Встать не было сил, опереться было не на что. Просто хотелось уснуть. Глаза закрылись сами собой.

Спустя некоторое время славянин почувствовал присутствие. Что-то требовало пробуждения, как позыв, как солнечный луч, который просочился между ставнями окон родной избы. Он открыл глаза, и увидел, как рядом с ним на коленях сидела девушка, а ее длинные черные локоны каскадом легли на его тело. Она обернулась и заметила, как воин проснулся. Плавным и точным движением незнакомка преподнесла к своим губам тонкую девичью ручку, коснуться которой мечтал бы любой кавалер из их деревни. Девушка украдкой облизнула пальчик, как облизывают, переворачивая слипшиеся страницы книги, и коснулась раны. От ее руки исходило магическое свечение, сначала бледное, после голубое, переходящее в насыщенный розовый оттенок от запекшейся крови. Рана замерзла, и начала медленно затягиваться. Загадочная девушка встала и отправилась легкой походкой вглубь леса. Ее босые ноги не проваливались в снег и не оставляли следов, шла легко и проворно, как на лыжах. Хриплым голосом воин бросил вдогонку благодарственные слова за спасение, и незнакомка остановилась.

- Ой, - послышался девичий голос, - чуть не забыла.

Она развернулась на одной ножке с легкостью танцовщицы, и подбежала к мужчине.

- Это твое. – Она сняла с себя сшитый из шкур плащ и накрыла им мужчину.

- Оставь себе, - прохрипел воин, – ты замерзнешь раздетая в лесу.

Недоумевающая, игривая девушка смотрела на него блестящими стальными глазами. Взгляд не был изучающим, но скорее был познающим и устремился куда-то вглубь тела.

- Как твое имя? – все тем же мягким, но не лишенным морозного звона, голосом спросила девушка.

- Ратимир, сын...

- Неважно. – Более властно оборвала девушка. – Он же не с тобой, его имя мне не нужно.

Воин молчал, ощущая легкость, которая окутывала его тело. Он попытался сесть и у него это получилось. Девушка ответила тем же, и опустилась на коленки перед ним, аккуратно поправляя подол. Черную волнистую копну волос она перекинула через плечо себе на грудь. Длина этих прекрасных волос достигала темно-красного пояса. Не смотря на ее легкое и девичье поведение, она выглядела вполне зрелой и чарующей девушкой, которую деревенской бабой назвать язык не повернется. Уж больно утонченные были ее движения. Она сидела напротив и медленно перебирала волосы в подобие большой плотной косы.

- Скажи мне, Ратимир, - продолжила девушка – как ты считаешь, ратным ли делом ты тут занимался?

Вопрос был риторическим, воин, не задумываясь, кивнул, выражая некоторое презрение к вопросу, который посчитал бестактным.

- Не хмурь брови, бравый рыцарь. Себя ты уже показал, когда отдал последнюю одежду замерзающей девушке, будучи сам на краю гибели. – Немного помолчав, девушка пристально посмотрела в глаза воина. – В твоей доблести и чести у меня нет сомнений.

Ее чарующий голос будоражил и одновременно успокаивал, словно погружая в гипноз. Каждый звук, исходящий от нее, был пропитан магией и таинственностью.

- Моя семья и мой род нуждались во мне, мой долг и мое желание защищать тех, кто мне дорог, - уверенно, пусть и с хрипотцой, ответил Ратимир, - но я даже не представлял, с чем столкнусь.

- Неужели передумал бы, если бы знал?

- Нет. Но это точно повлияло бы на подготовку.

Некоторое время молчали. Ратимир не мог отвести взгляд от девушки. Было в ней что-то манящее и пленительное, словно светилось внутри. Он не только осознавал ее могущество, но и в глубине души хотел быть к ней ближе. Настолько близко, как могут быть близки мужчина и женщина, и она это почувствовала.

- Скажи, я тебе нравлюсь?

Молодой воин стыдливо покосил взгляд на снег возле себя. Девушка лишь кокетливо приблизилась почти вплотную к его лицу. Казалось, что она не перед ним сидит, а находится внутри него, прогуливаясь в его голове и подсознании.

- А, вижу, тебя ждут дома. – Прозвучала нотка разочарования.

Рассматривая снег, мужчина и не заметил, как ее ладонь оказалась на его груди. Мягкая и едва ощутимая женская ручка нежно поглаживала грудь ратного воина.

- На что ты готов, чтобы остановить это безумие? Готов ли ты поступиться принципами, чтобы оплатить долг, ценою не только в твою жизнь, но и всей деревни?

Ратимир резко обернулся на нее с взглядом полным надежды, кричащим, вопрошающим: «Что я должен делать?». Женщина улыбнулась. Ее взгляд стал более томным, вызывающим.

- Не беспокойся, я не стану твоей, - прозвучало с некоторым высокомерием, сопровождаемым усмешкой, - но ты pomoжешь мне, как настоящий мужчина.

- Да как ты можешь! – Распалился воин, пытаясь приподняться. – Молодая девушка, да и первому встречному...

Молодая особа резким движением руки толкнула его на лопатки в снег и страстно поцеловала. Несмотря на обстоятельства, поцелуй был горячим, в меру игривым, и, возможно, лучшим в его жизни. Молодой воин разгорячился, и не в силах противиться, пытался продолжить и ответить. Слово помешательство и наваждение одолели его, а необузданная внутренняя страсть не позволяла трезво оценивать ситуацию. Но девушка не дала ему такой возможности, отстранившись до того, как мужчина перешагнул бы черту.

- Не забывайся. - В глазах блеснул металл, который уже не заволаживает, а предупреждает и угрожает. - Наш контракт заключен, а теперь возвращайся к семье. Я упокою мертвецов, лес тоже со временем утихомирится. Но с живностью разбирайтесь сами, у меня нет прав вмешиваться в это. Тут совершенно другая магия нужна.

Девушка встала и направилась в лес. Уже не игриво, и совершенно не по девичьи. Следом встал и Ратимир, поднимая плащ и намереваясь ее окликнуть.

- Не стоит, не замерзну.

Босая ножка ступила в снег и провалилась, затем вторая. А вышли из снега уже богатые, ушитые драгоценными камнями сапоги из темной кожи. Подул сильный ветер, колкий, морозный, кусачий. Он вздыбил снежную пену, которая перекрывала обзор и наметала новые снежные дюны. И сквозь этот непроглядный морозный туман воин заметил, как девушка идет в белом закрытом платье и широкой шубе с меховой опушкой на капюшоне. Подол этой шубы стелился следом по снегу, и был также богато вышит серебром. С каждым шагом, переливаясь в складках, подол блестел волшебными и чарующими вспышками. У самой земли виднелись костлявые руки, целое множество рук, которые тянутся к девушке. В тот же миг она исчезла, не оставив за собой ни одного следа. Постепенно вьюга прекратилась. Ратимир поднялся на ноги, отряхиваясь и осматривая себя. Лед на ране растаял, оставив за собой лишь небольшой зарубцевавшийся шрам. Кровь не шла, можно двигаться дальше. Накидывая плащ, воин оглядывался в поисках поломанного лука, но его нигде не было. В поисках пути проблем больше не было. Интуитивно он двигался по лесу, как по родной деревне, в которой бывал с самого детства. Сами деревья расступались перед ним, подсказывая очевидные тропинки для выхода. Молодой воин чувствовал, как что-то переменилось в нем, что он уже не тот, каким был прежде.

Стоило только оторвать взгляд от воронки с зельем, как Ратимир отшатнулся и упал на пол, едва улавливая свой пульс. Сознание путалось, дыхание сбилось в кучу, все перенесенные воспоминания были прожиты заново. Он вновь чуть не умер и вновь испытал страх и боль, которую мечтал забыть. События давних лет пронеслись в его голове как вспышка грозы,

наполняя каждую клеточку тела беспокойством и ужасом. Жрец немедля упал на колени возле него и схватил за воротник рубахи.

- Что там было? Что ты видел?! – Обезумевший, он агрессивно тряс старого друга с неистовым желанием услышать ответы на свои вопросы. Слепая вера Радимора в то, что именно его друг может пролить свет на события давности, совершенно ослепила его, лишив всякого чувства такта.

- Это... это, - только подумал заговорить Ратимир, как осекся, сомневаясь, а нужно ли жрецу знать о том, что он видел? В одно мгновение в голову воина влетели картинки, как с нетерпением жрец ударил его по рукам, не позволяя отказаться от ворожбы и таинства колдовства. По вене самого жреца Ратимир стал частью темного ритуала, который было уже не обрывать. Резким движением руки он отбросил от себя Радимора и вскочил на ноги. Все произошло быстро, и он руками прильнул к печи, чтобы остановить импульс рывка, попутно роняя глиняные черепки.

- Друг, скажи мне! – Продолжал жрец. – Друг, брат. Ты же мне как брат. Это она была?

- Я не помню, не знаю я, - пытался отмахнуться Ратимир, - я не запомнил! Все как в тумане было.

Жрец медленно встал и взглянул исподлобья. От него веяло злобой и нетерпением. Он сверлил старого воина взглядом, которым смотрят на предателей и изменщиков. Сердце колотилось, взгляд бегал по избе в попытках найти подсказку, и воин ее нашел. Руки, что были на печи, не чувствовали жара, а только холод. Из рта шла испарина, а изба промерзла как посреди зимы. Ледяные ожоги на руках от ворожбы щипали кожу, отпираться было бессмысленно.

- Не лги мне, Ратимир. – Злобно, сквозь зубы говорил старик. – Если ты не расскажешь, то твоя кровь расскажет.

Старик обернулся к деревянному столу, на котором блестело второе яйцо, и двинулся к нему. С кошачьей ловкостью старый воин выдернул меч из ножен и стремительным прыжком нанес рубящий удар по волшебному яйцу, которое немедленно лопнуло. Ему едва хватило сноровки, чтобы опередить обезумевшего жреца. Множество серебряных осколков и льдинок разлетелись по избе, словно фейерверки, покрывая стол инеем.

- Послушай меня, старик, - Ратимир пригвоздил свой взгляд к Радимору, - сейчас я уберу меч в ножны, и мы разойдемся. Не провоцируй.

Сказано было четко и ясно, что не заставило жреца сомневаться в намерениях уже бывшего друга. Всего пара секунд понадобилась для того, чтобы они друг друга поняли без лишних упреков и пояснений. Быстрым шагом воин покинул избу и отправился прочь из леса, где его ждала любимая супруга. Ровно до момента выхода на знакомые сердцу поля Ратимир постоянно ощущал чужое присутствие, но оборачиваться не хотел. Не боялся он жреца, но уважал его силу и власть над магическими и темными законами, которые могли бы оказать решающее воздействие в их схватке.

Юноша молча сидел за деревянным столом. Все его внимание захватило пламя, что плясало над свечкой. Немного времени осталось той свечи, боковины оплавившись, образовывая небольшую лужицу. Но чем меньше становилась высота той свечи, тем ярче и агрессивнее светило ее пламя. Свет ее отражался на стенах и различных предметах утвари. Едва ли хватило бы силы той свечи, чтобы обратить темные пятна по углам в четкие и понятные очертания предметов. Свет лишь немного заходил за края стола, отбрасывая массивные и тягучие тени, которые словно маслянистые лужи стекали по стенам. Лучом надежды в этой темноте служил отцовский щит, висевший на стене, металлическим отсветом он отдавал в ответ на мерцание пламени. Воинственный и непоколебимый символ безопасности, готовый к тому, что в любой момент его сорвут со стены и пустят в бой. Однако свеча была не единственным источником света в избе. Тусклый свет так же исходил от тлеющих углей в печи, который был больше символическим, чем значимым в непроглядной ночи. Не было надобности разжигать печь сильнее, осень

только началась, морозов не предвидится, да и сама ночь была вполне теплой. В этом тягучем мраке юноша дожидался родителей по их наказу, без возможности раньше отойти ко сну. Но это не было чем-то обременяющим, молодой человек был образцовым чадом. Ответственный, трудолюбивый и с большой тягой к познанию, потому то и завлекали его вещи и явления, которые не считались обычными и повседневными. Отец мальчика, Ратимир, сообщил ему об обряде имянаречения¹⁵ завтра, после полуденного солнцестояния. Волхв же сказал, что имя будет нашептано Богами и самой Землей в его двенадцатый день рождения. Осталось только явиться и тогда его, как полноценного взрослого, примут в Род. Нет более почетного и важного ритуала для юноши или же молодой девушки, чем этот ритуал, который на многие лета упрочит связь с богами и предками. Это имя, выражающее лучшие и сильные качества характера и души, будет отличным оберегом для гордого молодого славянина.

Спустя некоторое время на небе разошлись тучи, и взошла луна, озаряя избу холодным голубым светом. Цвета луны и свечи перемешались, создавая причудливые тени голубого оттенка, которые окропили стены и кухонную утварь. Юноша с тоской взглянул в окно в поисках матери с отцом, которые уже давно должны бы вернуться, но увидел лишь тусклое желтое поле, посеребренное ночной росой. Ночью поле напоминало большое море, где движение серебряных колосьев можно было спутать с волнами, что раз за разом бьются о прибрежные скалы. Заканчивалось поле вдалеке, у подножия холма, где текла мелкая речка, отделяющая поле от лесной чащи. Величественные деревья стеной выстроились вдоль поля, не пропуская лунного света. В этом лесном мраке сложно было бы что-то разглядеть даже опытному охотнику, а если что-то притаится в тенях, то можно даже не понять, откуда пришла гибель. Во дворе было тихо, скот не шумел, а собаки спали. Вся природа погрузилась в сладкий, но чуткий сон.

Вдалеке, в поле, малец заметил покачивающийся огонек. Немного погодя стали отчетливо видны две фигуры, это был отец Ратимир с матушкой, которая шла слегка поодаль, следом. В руке отца, в такт его шагу, раскачивался факел, разрушая иллюзию ночи. Свет от факела превращал красивое серебряное море в обычные желтые колоски, покачивающиеся на ветру. Отец шел с задумчивым и обремененным мыслями лицом, что даже матушка не решалась лишний раз задавать вопросы. А может она потому и молчала, что уже задала их, не восторгаясь его ответами.

- Сын, мы дома. – Послышался голос отца, перебиваемый скрипом массивной деревянной двери, которая казалась такой тяжелой, что если матушку закрыть в доме, то сама бы она не выбралась.

- Здравствуй отец, здравствуй матушка, – в меру звучно произнес юноша.

Матушка лишь слегка кивнула головой и улыбнулась, давая понять, что поход оказался успешным.

- Чадо¹⁶, подойди ко мне, – спокойным ровным тоном обратился отец, – завтра, после полудня, ты полноправно войдешь в наш Род. Путь, который ты выберешь, во многом будет определяться именем, которое тебе будет даровано. Оно станет тебе и помощью и опорой, выражая твои отличительные качества, как мужчины, славянина, а главное, нашего сына. Куда бы ни вела тебя дорога, никогда не забывай свою кровь и чти память предков по завету бабушки Рода¹⁷.

¹ Обряд имянаречения – сакральный ритуал, который, по представлениям, давал человеку имя, отражающее его судьбу, личные качества и стремления, служившее оберегом. Проводился в более позднем и осознанном возрасте, а не в младенчестве.

¹ Чадо – в славянской культуре так называли детей, не достигших 12-ти лет, которые не прошли еще обряд имянаречения.

² Род – верховный бог славянского пантеона, бог семьи, предков и судьбы. Род олицетворяет идеи семейного родства, как символа духовной приемственности.

Некоторое время отец молчал. Матушка едва заметно взяла его за руку, но в касании этом читались беспокойство и волнение. Продолжил свою речь Ратимир, матерый славянский воин, к тому же чуткий и ответственный отец, тоном серьезным и полным гордости.

- Я, Ратимир, сын Беломира (чистый в помыслах) и твоя мать, Агния (огненная, просветленная), дочь Ярополка (яростного воина), явили тебя на этот свет из великой любви. Вот тебе наш наказ. Люби же и ты своих будущих детей и дело избранное тобой, ведь так нашими устами говорит сам Род.

Окрыленный наказом родителей и преисполненный долгом юноша поклонился, едва не уткнувшись головой в пояс отца.

- Благодарствую, отец. И тебя благодарю, матушка! Даю обет выполнить Ваш наказ и с честью нести родовое имя деда. Иначе же не носить мне имени, что будет завтра даровано.

Матушка стремительно подошла и взяла за руку сына.

- Не говори так, сын мой, - захлопотала Агния, - неведомо нам, что будет дальше. Не велик ли для тебя обет, что ты избрал?

- Отступись, мать, - перебил Ратимир, - это его дорога. В поддержке мы не откажем, но и на шею сесть не дадим. А сейчас отправляйтесь спать. Я проверю скотину и вернусь.

После этих слов отец вышел из дома, не до конца закрыв дверь. Даже когда он говорил серьезным, а иногда и воинственным, тоном, читались в словах доброта и забота, которые ему сложно было демонстрировать. Какую же тонкую грань требуется выдерживать всем родителям, искусно балансируя между суровым учителем и любящим и заботливым другом. Матушка поцеловала мальчика в лоб и отправилась в спальню, не имея желаний ничем дополнять речь своего мужа. Юноша тоже медлить не стал и расположился на печи, которая обдавала теплом весь дом. Тяжелое одеяло аккуратно было сложено с краю, уступая место тоненькой простынке, в угоду теплой печи.

Засыпая, мальчик услышал разговор, который, по своему обыкновению, посчитал за странный и непонятный сон.

- Скажи мне, Ратимир, - вопрошал старец, - зачем ты это сделал? В знак старой дружбы, отдай мне обряд мальчика.

- Мы обсуждали это с тобой, старик. Твоя одержимость давно не секрет для всей деревни. Сегодня ты уже показал себя, не смей приближаться к моей семье и моему дому.

- Пойми же ты, поверь мне! Я слышал, как ты шептал, и слышал, что именно ты шептал, - в голосе звучала хрипящая мольба, - сама Морена¹ взывает к нему! Она...

- Остановись, жрец, - оборвал безутешный отец, - не доводи до черты.

- Прости, Ратимир. - Старец раздосадовано поклонился. Он понимал, что сейчас не сможет тягаться с бывшим другом, в особенности после того, как прошла ворожба, - не по нраву богам будет слово твое.

- Так пусть Боги и рассудят меня, - дерзнул отец, - но никак не ты.

Старец молча развернулся и побрел в сторону леса, прокладывая себе тропинку среди уже склонившихся от влаги колосьев. Он что-то бубнил в дороге, опираясь на посох с резной вороньей головой. Лишь подойдя к самому лесу, он обернулся в сторону двора, поклонился, словно прося за что-то прощения, и скрылся во мраке деревьев. Ощущение постоянного присутствия пропало. В темноте перестали виднеться подозрительные силуэты и взгляды, полные любопытства.

С первыми петухами наступило утро, изба ожила. Матушка замесила хлеб, пока отец растапливал печь, сына же отправили надоить молока. Спустя время семья собралась на завтрак за столом. Теплый, только из печи, хлеб и крынка парного молочка. Сытный, простой,

¹ Морена (Марена, Морана, Мара) – богиня смерти, зимы, холода и увядания у древних славян. Она является хранительницей загробного мира, которая помогает душам переходить в иной мир.

а главное вкусный вышел завтрак без лишних затей. Отец же решил доесть вчерашний хлеб, слегка подсохший, оставляя любимой семье более мягкий и свежий.

- Ратимир, сегодня важный день, я сделаю к ужину курицу?

- Сделай, - немного помолчав, кивнул отец, – я забью курятину, пока мы не ушли.

- А ты, сын, - продолжал Ратимир, – выведи пока скотину в поле. Да поближе к лесу держи, чтобы не упарилась сильно. Ярило¹ сегодня гневается, вон какой жар напустил на двор. Видать, быть грозе к вечеру. Ступай.

Юноша, с присущей ему энергией, выпорхнул из избы. Отец оказался прав, пекло на улице было не шуточное. Редко бывало, чтобы с самого утра солнце обжигало кожу и вызывало мокрицу на лбу. Как и наказывали, скотину в поле мальчик держал ближе к лесу, в тени деревьев. Хвостом за ними увязался сторожевой пес по кличке Белый. А прозвали так, потому что с помета борода седая была. С кем бы куда ни ушла скотина, Белый все время сопровождает, и этот раз не был исключением. Пес был умный, отлично знал свою работу. Скот держал в тени, но глубоко в лес заходить не давал, да все принимался и рыскал по кустам, чтобы никакой зверь не вылез. В этой части поля траву еще не косили на сено, так что Белого можно было увидеть, только когда он поднимал кверху седую бороденку, после чего, как акула, нырял в зеленые колосистые волны, что только хвост торчал. Юноша же, как и положено любому беззаботному парнишке, прилег в теньке, погружаясь в свои фантазии. Разные мысли посещали мальчика, об имени, о будущем, о девицах в сарафанах, что ходят с венками к речке. Беспокойным он был ребенком, склонным к переживаниям и излишней тревожности, что нередко уносило его сознание далеко за пределы головы и тела. Эти мысли были волнительными для юного сердца. Успокаивало лишь то, что вера в себя и в свой род всегда выведет из даже самой темной чаши. Массивные кроны деревьев убаюкивали. Медленно покачиваясь на ветру, они переливались всеми оттенками зеленого цвета лишь с редкими проблесками солнечных лучей. Уютно было отдыхать в их тени, оттого и забылся юноша и задремал. Забыл он и об имени, и о будущем. И даже девицы в сарафанах, что к речке с венками ходят, не уберегли его ото сна.

Мальчик почувствовал на плече мягкое касание материнской руки. Еще в полудреме он по привычке стал прикладывать голову, чтобы щекой чувствовать теплую руку Агнии. Послышался девичий смех. Юноша открыл глаза и увидел улыбающееся лицо матери, которое закрывало собой небо. Каким-то образом он оказался головой у нее на коленях и ластился, как котенок.

- Тебе сегодня в род входить, а еще совсем малыш, - с доброй улыбкой дразнилась матушка, - ты ничего не забыл?

Юноша покраснелся, но в момент опомнился. Вскочил и принялся озираться по сторонам в поисках скотины и Белого. К своему удивлению он обнаружил, что весь скот окружил их с матерью, словно ограждая сон мальчика. А Белый и вовсе дремал в ногах кверху пузом, сверкая своей седой бородой.

- Матушка, это ты их собрала? – Удивился мальчик.

- Нет, сын мой. Одна бы я до сих пор по полю ходила и собрала их. – Улыбалась мать. – Признаться, я потому и пришла, что животные в кучу сбились. И кто же кого пасет теперь?

Агния звонко рассмеялась, словно девчонка, которая играла в салочки. Белый тоже встрепенулся и галопом помчался вокруг стада, пересчитывая головы. Кажется, что его тоже застали врасплох.

- Матушка, имя! – Опомнился парень и принялся оглядываться в поисках теней, пытаюсь понять, сколько сейчас времени.

¹ Ярило – божество весеннего плодородия и солнца в славянской мифологии. Ярилом часто называют само солнце, которое, по поверьям, является одним из его воплощений.

- Успокойся, – мать взяла мальчика за руку. Тепло ее рук успокаивало и внушало чувство безопасности. – Суетишься, как твой отец в молодости. Мы успеваем, ты ничего не проспал. Вот, - матушка протянула крынку – выпей.

В крынке была ключевая холодная вода. Настолько холодная, что сводило зубы. Мальчик поблагодарил и задумался, сколько же он спал, если мать успела на родник сходить. О том, рассказывать ли отцу о том, как хорошо выспалось его чадо, не было и речи. Мать коротко и с улыбкой отвечала, что «своих не сдаем».

Решили не медлить. Белый взялся за дело и погнал стадо в сторону двора. Мать с сыном прогуливались по золотистому полю и любовались красотами. На небе было ясно, лишь изредка появлялись прозрачные, едва заметные облака. Солнце было в зените и жарило не щадя никого, что даже деревья, казалось, опускали свои ветки, в попытках дотянуться до земной прохлады. В такую жару и не работает то никто, без должной причины. Становилось меньше воздуха, или же просто он стал тяжелее. Духота окутала поляну. Грозы не избежать.

На ритуальном холме были сын, отец и жрец Сварога¹. Каждый испытывал свои эмоции и переживания, свойственные любому славянину в такой ответственный момент. Сын испытывал радость, что вот-вот станет взрослым и войдет в род, отец, свою очередь, гордился – парень вырос отличным помощником. Жрец же трепетал перед таинством, которое собирался провести, не говоря о том, что каждый ритуал по-своему уникальный, и совершенно неведомо, кто из богов откликнется в покровители мальчика.

- Войди в круг камней. – Повелительно с выражением приказал жрец.

Высокий холм сразу за речкой от деревни пылал ярким дневным солнцем. Погода благоволила и успокаивала присутствующих. Легкие жаркие лучи прилипали к коже, постепенно меняя ее оттенок на загорелый. Как и любая работа в поле, которой занимались деревенские, награждалась поцелуями Ярила. Лес у подножия холма неторопливо покачивал ветвями, обаятый теплым бризом. Ленивые облака спокойно проплывали по небу, унося за собой мысли и фантазии. К проведению ритуала все давно уже было готово, множество селян с охотой отнеслись к помощи подрастающему дарованию, не говоря о том, что для тяжелой работы все равно жрецы уже не годились. Рядом со Сворожьим кругом лежали заранее заготовленные дополнительные дрова и свечи. Зажглись ритуальные костры. По велению старца мальчик вошел в круг камней, осматривая идол. Детям раньше не разрешалось так близко подходить к местам сотворения ритуалов и магии, отчего чадо впервые оказался с идолом один на один. Исполинский резной столб словно царапал небеса. Упругая вековая древесина совершенно не потемнела с годами, сохраняя величественный и непоколебимый образ отца Сварога. У подножия столба находится самый малый каменный круг для жертвоприношений. Некоторое время понадобилось жрецу, чтобы завершить последние приготовления. Погода менялась, к тому времени тучи уже почти заволкли небо, вдалеке послышались раскаты грома. Подули холодные ветра, раскачивая кроны деревьев. Трава у подножия холма пришла в безумство, словно сорвется и полетит вместе с порывами ветра. Юноша стоял в эпицентре колдовства и едва сдерживал свой страх. Жрец же незамедлительно упал на колени и водрузил руки к небесам, осознавая, что медлить нельзя. В неистовых поклонах он выкрикивал слова вперемешку с именем Рода и всего пантеона, взывая к помощи и покровительству. Пламя ритуальных костров плясало без устали, разбрасывая тлеющую кору и снопы искр возле каменного круга. Яркая вспышка показала на небе, озаряя землю светом, быстрая, точная, безжалостная. Следом, через все небо пролетел гулкий звук, больше похожий на басистый смех, чем на гром. Вся природа в едином порыве раскачивала холм, лишь в круге камней, где стоял парень, было намного спокойнее, и время словно остановилось. Пламя костров выровнялось, игнорируя окружающее их буйство.

¹ Сварог – божество славянской мифологии, бог-кузнец, покровитель огня и кузнечного дела, считалось, что именно он научил людей работать с огнем и рудами. Прямой потомок (сын) верховного бога Рода.

Начавшийся ливень не попадал в круг. Падающие с неба капли отскакивали от воздуха, как от стены. Словно стеклянный купол опустили вокруг ритуального круга, защищая ребенка с его именем.

- Парень! – тяжело дыша, кричал жрец – Защитное имя! Кричи его!

Мальчик лишь заворуженно смотрел на идола. Сейчас он был здесь и не здесь, был между Навью и Явью. Руками тянулся к божественному и всеобъемлющему чувству, а ногами проваливался в мир холодный и загробный. Все вокруг не несло для него никакого смысла и значения, а важны были только голоса в голове, которых он не замечал до этого момента.

- Ратимир, живее! Парень не знает своего защитного имени? – Жрец захлебывался в ливне, ритуальная одежда, хоть и вымокла, но под шквалистым ветром развивалась как солома, едва не сбрасывая его с холма.

- Не буди, пока тихо, - прошептал отец мальчика.

- Не может быть, ... – жрец побледнел. Во всей Яви не нашлось бы глупца, кто осмелился бы так наречь новорожденного.

- Парень не знает его! Слышал только младенцем! – Перешел на крик отец, едва перебивая шквалистый ветер.

Жрец лишь понимающе посмотрел на Ратимира. Опасно произносить такие имена вслух, даже если даны они для защиты. На холме, едва дыша от усталости, появился старик. Взгляд его был суров и полон злости.

- Дурья голова! Парень должен знать свое охранное имя¹! – Яростно выкрикивал Радимор. - Я лично даровал его, дабы великая судьба ждала мальчика. Отдай его мне, я помогу!

Будто обезумев, Ратимир выхватил из ножен меч и направил на колдуна. Небо стало почти черным, воздух вибрировал, капли становились тяжелее. Незримый защитный купол стал трескаться в воздухе, высекая икры, где бедный мальчик стоял в оцепенении.

- Убери свой меч, глупец. – Колдун крепко взялся за свой посох. Глаза резной вороньей головы засветились голубым цветом. – Он должен кричать имя, иначе Навь утнет!

Секунду промедлив, родитель опомнился прикидывая все варианты развития событий. Для себя он оставил приоритетом безопасность и спокойствие семьи. Размашистым взмахом Ратимир воткнул меч в землю и с мольбой о помощи уставился на колдуна. В глазах читалось только одно – спаси сына. Радимор кивнул и рухнул на колени рядом со жрецом. В неистовом ритуале эти двое синхронно исполняли обряд, внушая мальчику его охранное имя. Их заклинания пронизывали нити пространства, пытаясь пробиться через купол и найти хотя-бы щелочку в замутненном сознании мальчика. В небе от раскатов молний рвались облака, скручивались в новые и вновь темнели, озаряемые вспышками молнии. Порванные на лоскуты они наматывались друг на друга как нить на веретено, клубились и снова расцеплялись. С деревьев срывались ветви и листья, которые подхваченные ветром царапали лица. Груды капель летели с небес под раскаты грома. Ярило не видит. Не поможет Ярило. Глубинным звоном, на уровне тонких материй души, звенели голоса колдунов.

- Вспомни. Вспомни! – Все громче гремели слова в неистовой какофонии заклинаний. Грубые и резкие слога, то громче, то тише, с вложением всех сил и даже большего.

В воздухе появились синие икры. Безумный танец света показывали жрецы, латая пробоины незримого защитного купола. Снопы разноцветных искр летали вокруг ритуального холма, как светлячки, которые суетились в поисках дома.

- Взывай к ней, колдун! – Теряя силы, кричал жрец Сварога. – Она ведь мальчика зовет!

Радимор глянул на безутешного отца, после чего упал перед куполом, перед собой свой дубовый резной посох. Не отвечая, колдун продолжил ритуал, который, не только был испор-

¹ Охранное имя – у древних славян был обычай тайно нарекать детей новорожденных именами с отрицательным содержанием для защиты детей. Считалось, что это отпугивает злые силы, либо после обряда возникнет обратное действие имени.

чен, а еще и смешан, рождая собой нечто новое, что мальчик еще не готов принять. Воздух похолодел возле Жреца Морены, вызывая озноб и легкую дрожь.

- О, Богиня, зимы госпожа, смертью повелевающая, помоги, Морена! Помоги сынам своим, ибо все мы однажды во власти твоей будем. Прими его в объятия свои, забери то, что по праву твое!

Ветер стал утихать. Одним моментом все падающие над холмом капли замерли в воздухе, после чего одновременно рухнули наземь. Тучи побелели, и медленными крупными хлопьями пошел снег. Время стало замедляться, шквалистый ветер и вовсе затих. Из рта повалил пар. Медленно, от основания купола к его вершине, пополз иней, как по водной глади. Защитный купол замерзал и становился зримым, осязаемым для человека. Спустя какие-то секунды он заледенел и стал преломлять свет, как вставший на реке лед. Невозможно было понять, что происходит внутри.

- Лихо. – Послышался голос мальчика.

Разразился звонкий девичий смех. И с каждым новым раскатом он становился взрослее, пока не отозвался смехом взрослой женщины, надменной и властной. Сотрясая воздух, звучал глубокий, проникновенный и манящий женский смех, просачиваясь в сознание присутствующих, который Ратимиру показался знакомым. Затем голос стал тише, мягче и нежнее. Сложно было разобрать слова из глубин купола, о которых можно было судить только по тонким вибрациям ледяного купола и остывшего воздуха вокруг. Несколько мгновений шепот звучал из-за ледяной защиты, а после и вовсе затих. Разразившись множеством тонких трещин, купол лопнул, разлетаясь на миллионы ледяных осколков. Часть из них таяла прямо в воздухе, не достигая травы у ног, другая же часть падала на одежду и волосы, орошая все вокруг. Тотчас прозвучал в воздухе знакомый властный голос богини.

- Имя тебе Ведомор.

Постепенно тучи стали расступаться, постепенно уступая место солнечным мягким лучам. Ветер и вовсе затих, воцарился штиль. Ритуал окончен. Колдун сел на землю, вытирая с лица подтаявший лед. Ратимир медленно брел к мальчику, отрывая с болью замерзшие слезы. Он встал рядом с сыном и утешающе положил ему руку на плечо. Лицо мальчика было обращено к идолу Сварога, чье изголовье треснуло, пронзенное ледяным лезвием. Грубый разрез, словно молнией пронзил деревянный столб, расколов его на две части. Жрец с ужасом смотрел на эту картину. Его пугало не столько разрушение идола, сколько юноша, который не замечал никаких странностей, уверенный, что так и должно было быть. Его спокойное и, в каком то смысле, блаженное лицо вселяло беспокойство в сердце служителя Сварога. Ритуальный холм был осквернен. А иней с круга камней больше не сходил. Как бы не палило солнце на том холме, камни не переставали переливаться серебряным льдом и снегом. Птицы избегали это место, животные не подходили. Только некоторые люди теперь могли находиться в круге камней, не испытывая ледящего ужаса от неестественного мороза. Несколько лет понадобилось для того, чтобы жрецы забыли о том, как нечестиво обошлись с их богом.

Глава 3

На всю поляну разносился скрежет железа. Острые клинки облизывали друг друга, высекая снопы искр. Молодой воин ловко двигался вокруг своего оппонента в смертельном танце, пытаясь подловить на неудачном движении. Отец всегда учил, что если не можешь брать силой, то бери ловкостью. Не ловкостью, так хитростью, не хитростью, так умом. Одним словом он утверждал, что каждого соперника можно одолеть, и к каждому найдется подход, главное отыскать его первым. Полуоборот, удар прошел мимо, колющий мечом пришелся в железный элемент щита и воткнулся в землю. Над Вдомором вознесся меч в вертикальном секущем ударе. Не теряя времени, юноша отпустил меч, сделал шаг в сторону и щитом оттолкнул противника, выигрывая себе время, чтобы выдернуть меч из земли. Дистанция снова разорвана. Теперь соперник знает об уловках, второй ошибки он простит. Размен ударами о щиты не дал результатов, соперник крупнее, сильнее, и не менее ловкий. Нужно цепляться за хитрость, нужна брешь в защите. Оба воина не имели боевого опыта, но были достаточно горделивы, чтобы не сдаваться даже в момент опасного положения, которые были запрещены. Одно из условий такого боя было не покалечить друг друга. Долго принимать удары нельзя, массивный меч раз за разом обрушивался на щит Вдомора, оставляя все новые зазубрины. Выносливость заканчивалась. Грубая сила давала преимущество противнику, и он им охотно пользовался. Удар, второй, противник выбил юношу из равновесия тупым ударом щита о щит. Парень открылся. Противник ловким движением развернул лезвие меча в сторону и нанес удар кулаком. Вес меча в руке придавал мощь удару и пришелся в грудь юному славянину. Бой окончен. Вдомор сидел на траве, от ошеломления разбросав вокруг себя оружие.

- Ну и крепкая же у тебя рука, отец, - пытался отдышаться юноша, - я почти рук не чувствую.

- Долго плясал вокруг, много сил потратил. – По-отечески воспитывал парня Ратимир. – Да и опыта у меня больше.

- Как же мне справляться в длительном бою или со множеством противников, если сил даже не бой с тобой не хватает?

- Даже? – Прищурился Ратимир, подавая сыну руку.

Парень неловко улыбнулся, и оба не предали этому значения. Отец ловко подбросил парня на ногу и подал ему кринку воды, стоящую у пня поодаль площадки для занятий. Площадка была земляная и вытоптанная многими годами тренировок. Ее описывал круг из вертикальных столбов не выше пояса, показывая границы поля боя. За пределами площадки красовалась пара бревенчатых лавок. На одной из них сидела Агния. А рядом с ней была маленькая пятилетняя девочка. С волосами цвета огня, веснушками и ясными голубыми отцовскими глазами. Она была больше похожа лицом на старшего брата, чем на родителей. Мать едва слышимо подошла к сыну и осмотрела его.

- А помягче ты с ним не мог? – С прищуром глянула она на Ратимира.

- Быть с ним помягче на тренировках, значит желать ему зла и обречь на смерть в бою. – Отец подхватил дочь на руки и посмотрел ей в глаза, словно искал свое отражение.

Ратимир понимал, что Агния не всерьез это спрашивала, но материнское сердце иначе не могло. Каждая мать верует в неприкосновенность и особенность своего дитя, в чем совершенно нельзя их упрекать. Мать для ребенка первая опора и первая доброта, она учит любить и сопереживать. А отец для него первый соперник и первый учитель, суровый, честный, но не менее любящий. Какой мальчишка не мечтает превзойти своего отца, доказывая свою состоятельность и удаль? Так же как и любой отец с трепетом ждет, когда его сын достигнет большего успеха, чем он сам, за какое бы дело он не взялся.

- Все хорошо, матушка. Отец вообще в бою учился, там никто водицы колодезной ему не приносил. – Ратимир едва уловимо в горделивой позе приподнял подбородок.

- И то верно, - призадумалась мать.

Тренировка продолжалась, но уже не в форме боя. Мать с любопытством смотрела на занятия самых важных в своей жизни мужчин. А маленький «Огонек», так шутливо Агния называла дочку, постоянно хлопала и охала, восторгаясь происходящим. Отец учил сына перешагиваниям, перехвату меча и особенностям парирования ударов. Справедливости ради парень не вырос таким же крепким как его отец. Сыграла так роль предков или спокойные времена его жизни - не принципиально. Но за пять лет со времен получения имени юноша возмужал. Восемь вершков²² роста было в этом жилистом и крепком от полевой работы теле. Темно русые волнистые волосы, густые угловатые брови. Голубые глубокие глаза сияли на солнце, а ночью то и дело поблескивали серой сталью. Больших сил в руках не имел, но выносливостью обделен не был. Тренировались не только с мечом и щитом. Каждый воин должен уметь и топором махать и копьём колоть, да верхом ездить, но полюбился Ведомору больше лук. Нравилось ему, что весь исход можно решить одним точным и выверенным выстрелом. Натянул тетиву, выверил траекторию и выстрелил. Отец не разделял его уверенности, и каждый раз твердил о доспехах, о щитах и просто крепких воинах, которых даже если посечет стрела, не отступят без боя преисполненные яростью. Рассказывал историю с войны, как кровожадные воины свирепели от полученных стрел и пробуждали доселе невиданную силу, и с неистовством зверя бросались в бой на мечи и копья. Сложно передать словами ужас тех сражений, оттого может и не совсем серьезно юноша относился к словам отца. В любом случае, уметь обращаться с луком значит не быть голодным. А это уже неплохой результат.

В бою воинам славянам помогали не только удаля и прыть. Во многом силу и навыки могли определить чертоги²³, дарованные от рождения. Всего насчитывалось шестнадцать чертогов в полном обороте Ярила солнца. Эта сила могла влиять не только на особенные боевые врожденные навыки, но и на дипломатические и умственные способности. Покровительство Богов-предков всегда почиталось в народе. Люди к нему прислушивались и были олицетворением своего чертога, обретая силы и повадки в соответствии с ним. Каждый сам решал, следовать ему учению бога-покровителя или нет, но сходство в мировоззрении было неоспоримо. Чертоги разделяли Сварожий круг²⁴ и несли в себе описание тотемного животного, а также дерева силы, как же без него, когда природа была неотъемлемой частью жизни. В тонкости этого вдавались в основном жрецы и волхвы, используя те или иные способы ворожбы и врачевания. «Ну, лиса, никак за хвост не ухватишь» можно было часто услышать о людях, хитрых, изворотливых и, от части, болтливых. Именно такие особенности влияния чертогов вкладывались часто в понятие человеческих качеств. Ведомор, как и его отец, был рожден в чертоге Медведя, только у отца еще в детстве проснулась сила чертога, что является редкостью. Доблесть, доброта и неуклонное стремление к цели, именно такими качествами наделял Сварог покровитель своих потомков. Кроме того чертог наделял силой огня, что неоспоримо давало преимущество в бою. В пылу сражения Ратимир мог окутать тело и оружие едва уловимыми языками пламени, от чего касания по нему вызывали металлические искры и могли не только обжечь противника, но и поджечь его одежду, а при у даче и попортить зрение.

- Отец, почему не проявляется мой чертог? – Юноша уселся у подножия столба у края тренировочной площадки.

¹ Обозначение роста человека сверх двух аршин. 1 аршин – 71 см, 1 вершок 4,5 см. «Восемь вершков роста» это приблизительно 180 см.

¹ Астрологический календарь древних славян, который появился задолго до зодиакального гороскопа. Насчитывалось 16 чертогов, они соответствовали не мифическому существу, а Богу-Покровителю.

² Пространство на звёздном небе, в пределах которого в течение одного лета передвигается бог Солнца Ярило.

- Не знаю, сын, вероятно еще не время. Может предки считают, что ты и так неплохо справляешься. – Подбадривая, отец растрепал волосы сына.

Ратимир был хорошим воином и достаточно простым добродушным человеком. Старался не лезть в дела божественные и магические, оставляя это жрецам. Даже если бы он и хотел разобраться и дать сыну совет в этом деле, то все равно не смог бы. А вот мать совершенно другое дело. Сразу после ее наречения в детстве дикий кабан забрался в сарай и чуть не разорвал собаку. Сама того не понимая она этот сарай чуть не сожгла со злости, защищая любимца. До сих пор не понимает, как такое вышло. «Все вспыхнуло как по волшебству. Кабан испугался и сбежал в лес. Половину ночи сарай тушили всей деревней» - вспоминала Агния.

- Ратимир, сердце мое, я хочу сходить с сыном к жрецу.

Тянька же не отвлекался от красоты дочери и игрался с ней, прикасаясь своим носом к ее очаровательному носику, но Агния понимала, что он ее прекрасно слышит.

- Меня беспокоит неведение нашего сына. Не знать силу чертога равносильно незнанию предков. Так нельзя. – Сетовала мать.

Ратимир осознавал свое невежество в делах тонкого мира и утвердительно кинул в ответ. Кому как не своей супруге он мог доверить такое ответственное дело?

- Так тому и быть. Я вам нужен?

Агния медленно подошла к мужу, поцеловала дочь, а затем прильнула к груди супруга, положив голову на плечо.

- Ты всегда нужен. Но ходим мы сами.

Девочка недовольно глянула на мать и маленькой ручкой попыталась отодвинуть ее.

- Какая же ты ревнивица! – Расхохоталась Агния.

Дочь осталась на попечение отца. Под одобрительный взгляд Ратимира мать и сын отправились в дом жрецов в поисках ответов. Дом этот располагался по левую руку по течению реки, которая шла по окраине деревни. Оно и немудрено, ведь именно правый берег считался берегом живых – Яви, а левый берег считался берегом мертвых - Нави и Прави. Возводились все жилые дома и деревни по правому берегу, а все ритуальные круги по левому, потому и могли там жить только жрецы, ведуны и волхвы. Дорога лежала сквозь деревню, в которой кипела жизнь. Женщины учтиво кивали, завидев Агнию, а мужчины издали поднимали руку в приветствии. С Ведомором ситуация обстояла иначе, многие еще помнили происшествие пятилетней давности и побаивались парня, но не показывали виду. Разумеется, что в этой деревне не было принято избегать друг друга, а наоборот, помогать и поддерживать. Но человек и есть человек, что иной раз может испытывать неосознанный страх от вещей, которые не понимает. Избегать никто Ведомора не собирался, но и лишний раз дружить тоже не хотели. Осквернение Сварожьего круга не прошло гладко для деревни. Некоторое время после происшествия шли ливни и грозы, которые испортили много посевов. Но плох тот славянин, что не хранит запасы в погребе на зиму, так что обошлось без голода и болезней. Может только потому никто и не заговорил о возмездии для мальчика, даже если и подумал об этом. На холме у реки Ведомор заметил жреца, который вел занятия и рассказывал истории для ребят, которые ждут свои имена. Казалось, что жрец совершенно не изменился с тех времен, когда он сам сидел на сенном насте и слушал наказания.

- Матушка, жрецы не стареют?

- Нет сын, конечно стареют. Просто на них не так хорошо заметно. – Голос матери был спокойным и тихим. И подумать было нельзя, что он способен на громкий и озорной смех, который был так свойственен ей.

- А хочешь, расскажу тебе уловку? – С ехидством прищурилась мать.

- Какую? Конечно, хочу.

- Проще всего узнать возраст жреца можно по его посоху или трости.

- А это как? – Любопытствовал юноша. Именно от матери ему досталось природное любопытство и тяга к знаниям.

- После жреческого обряда для нового жреца из дерева покровителя изготавливается трость или посох. Считается, что в нем он копит свою силу, которую использует для ритуалов. В нем частично сокрыт секрет его ясного ума, долголетия и сил.

- И что же, если посох сломается, то жрец умрет?

- Да что ты, – поправляла мать, – он останется жив, но потеряет много сил. Хотя, это скорее зависит от возраста и сколько сил скопилось. Молодой жрец и не заметил бы утраты и просто изготовил новый посох.

- Тогда не понимаю, возраст тут причем?

- Сила, которая копится в посохе, пробуждает дерево. Часто бывает, что оно трескается, или же наоборот, выпускает новые побеги. Обрати как-нибудь внимание.

Путь продолжился, но спустя несколько шагов мать остановилась и внимательно посмотрела на сына.

- Только не пристально разглядывай. Могут обидеться.

Юноша лишь кивнул в ответ. Солнце почти перестало печь, но жара не до конца спала, обернувшись небольшой духотой. Прогуливаясь вдоль реки, Ведомор снял с ленту с волос, зачерпнул воды в ладони и умылся от пыли и пота. Не забыл юноша поправить и уложить волосы, которые впоследствии также зафиксировал налобной лентой. А как же иначе, вдруг за поворотом избранница? Мать умилялась такому поведению. Ее теплый и слегка грустный взгляд смотрел вдаль. Она осознавала, как быстро растет ее сын, который и вовсе скоро покинет отчий дом. Хоть и было от этих мыслей немного тоскливо, она понимала, что это правильно. Природа давно все придумала. Не потому ли деревья так далеко пускают по ветру свои семена, чтобы возвращались новые побеги и продолжался род? Если бы не было этого ветра перемен, разносящего семена, то и падали бы они наземь к корням и не проросли. Им не хватило бы ни влаги, ни солнца под родительской кроной. А это неминуемо приводит к гибели потомства или к его слабости. Все как у людей. Или наоборот?

С небольшого моста через реку виднелся перелесок. У основания этого леса стоял часток, огораживающий капище и небольшую избу, где проживали жрецы. Во дворе стоял деревянный стол и пара деревянных лавок. Также у входа в дом стояла скамья, и лежали несколько связок дров, жители заботятся о жрецах и помогают им с бытовыми нуждами. В этот раз принесли дрова на заготовку, а на следующий день, может, и вкусным чем угостят. Сбоку двора, защищенного забором, стояла парочка сколоченных ульев. Доски, из которых были сделаны ульи, были старыми, в щелях между ними сочился мед. Они стояли там не для добычи меда или воска, из которого делались свечи, а для созидания и наблюдения за пчелами. Жрецы всегда говорили, что все тайны нашего мира заключены в наблюдении. Все, что может быть в этом мире уже давно придумано богами и природой, осталось только увидеть это. А кто-то из них и вовсе считал, что не станет если в мире пчел, то и все живое будет в опасности. Природа приспособливается, что-то забывается, а что-то появляется новое, но никогда не пропадает. У входа на территорию стояли резные чурки, некоторые были настолько старыми, что проросли мхом, а на одном из них даже выросла ромашка. Были обереги и посвежее, выполненные более качественно. Чувствуется умелая рука деревенского плотника, который каждый раз вкладывал тепло и заботу в свои творения, осознавая их важность для жителей и всего рода. На лавочке вдоль дома, у самого входа в помещение, сидел старец. Он облокотил на лавочку свой посох, а сам откинулся бревенчатую стену дома, как на спинку. Густая седая борода достигала пояса, на котором висел красный, тканый вышитый ремешок с узорами. Такой же был и на голове, повязанный на волосы. Густые седые брови едва не закрывали его глаза. Уже посеревшая от времени ряса старика, тоже была украшена причудливыми узорами, которые вышивают мужикам на повседневную одежду. На груди красовался небольшой деревянный амулет ручной работы

чертога Шуки. Жрец сидел и созерцал работу пчел, которые скоро уже отойдут ко сну. Он был убежден, что у этих трудолюбивых насекомых никогда не бывает случайной траектории полета, они всегда знают, что нужно делать, и не откладывают дела в долгий ящик.

- Заходи, Агния, будь как дома. – Старческим и довольно бодрым голосом пригласил старец.

Оба гостя поклонились в приветствии. Юноша осматривался вокруг, с любопытством изучая окружение. Множественные обереги, корзины с травами и фруктами и большая бочка с водой, почему-то занимали его внимание больше, чем жрец. Матушка вопрошающе смотрела на старика.

- Агния, меня, похоже, глаза подводят, кто это с тобой? – Слегка шурился старец.

- Это мой сын Ведомор.

Старик некоторое время молчал, изучая парня.

- Ну-да, ну-да. Помню такого. – Причитал старик. – Неужто как вырос, совсем мальчишкой помню его. Насколько я знаю, он у нас медведь?

- Ты прав, у сына чертог медведя.

- Скажи мне, юный медведь, - обратился старец, - что ты знаешь о предке своем, Свароге?

- Он бог первого круга, Перуна родитель. – Неуверенно говорил юноша, хотя ответы, по своей сути, были верны. Жрец кивал, ожидая продолжения рассказа.

- Он является покровителем кузнецов.

Ведомор замолчал. Мать стыдливо опустила глаза, понимая, что ее сын плохо изучил родословную, запоминая слова, но не смысл.

- Ничего, Агния, - улыбался старец, - дело молодое, ведь куда интереснее с отцом мечом махать. Дело хорошее, но не единственное, верно говорю, юный медведь?

Теперь уже юноша стыдливо опустил взгляд.

- А знал ли ты, что Сварог в первую очередь творец? Он расширил наши земли и подарил множество земных пород, ископаемых и гор. Сила бога-творца не сравнится ни с какой другой.

Старец призадумался над смыслом своих же слов, так ли его понимают, как он толкует.

- И какую же силу даст тебе Сварог? – продолжил старец с прищуром, словно уже знает ответ на вопрос.

- Моему отцу он даровал силу огня, которая может...

- Это крупницы. – Оборвал старик, перебирая что-то в своем кармане, – Сварог дал твоему отцу нечто большее, что может дать и тебе. Он покровитель рода, его наставник и защитник. Он был и есть не только светский, но и духовный лидер. Морально-нравственные законы, мы именно ему им обязаны. И твой отец отлично перенял этот божественный дар.

- Простите, мне тяжело понять ваши слова, о каком даре идет речь?

- О, как же! – Недоумевал старик, впрочем, не он один. – Понимать, что такое хорошо и что такое плохо, а главное, что такое поступать правильно. Это качество настоящего лидера, которое твой отец получил, проявляя доблесть.

Жрец замолчал в раздумьях, пытаясь понять, почему Сварог сам не повернулся к юноше и не показал свою силу.

- Есть легенда, что в минуты опасности, именно он призвал на помощь весь род и одним ударом смог сокрушить врага непоколебимым единством расы. И я уверен, что твой отец, нареченный самим Князем в защитники деревни, тоже способен на это. Вопрос в том, какая часть его обитает в тебе, что так и не может прорваться наружу.

Старик почесывал свою седую бороду разных оттенков серых и белых цветов. Часть волос была собрана в хвостики, а другая заплетена в небольшие косички. Через некоторое время жрец встал и, опираясь на посох с резной рыбой в изголовье, медленными шагами пошел вокруг дома на задний двор. Сделав несколько шагов остановился.

- Вы идете? – Бросил через плечо старец и продолжил путь.

Мать с сыном проследовали за ним. За домом была небольшая вытоптанная лужайка, вокруг которой росли совсем молодые березки с ярко зелеными листочками. В центре лужайки было два каменных круга в три и пять локтей, один внутри другого соответственно. Вдоль дома стояли корзины с травами и какими-то порошками. Пучки трав также висели и вдоль стен на просушке. С другой стороны лужайки, посреди частокола, была закрытая калитка с гнилой покосившейся дверью, которой перемотанные нитками висели толи куриные, толи перепелиные кости. Порог двери был усыпан еловыми ветками, образуя зеленый колючий ковер. По бокам от калитки стояли два чура, у которых в основании были вырезаны углубления, в них стояли горящие небольшие свечи. Старец остановился у круга камней и попросил парня встать рядом с ним. Матери было предложено сесть на лавочку и молча наблюдать, чтобы не нарушить таинство ворожбы.

- Чертог не раскрылся, – констатировал старец глядя на Ведомора, – не шевелись.

Жрец взял с ближайшей плетеной корзины пучок травы и бросил в уже тлеющие угли черного цвета, которые остались в каменном круге. Трава зашипела. Пошел сладкий запах, и легкий дымок заплясал над углями. Старец положил руку на грудь юноши и попросил упереться в нее, чтобы не терялся контакт.

- Вижу озеро, - начал старик, закрыв глаза, - в озеро впадают две реки. В центре озера небольшой островок, больше напоминающий мелководье на пляже, которое постоянно омывается водой. Вокруг озера растут сосны.

На пару секунд старик зажмурился сильнее, лоб сморщился, по виску прокатилась капля пота. Ведомор заметил, как старик стал крепче давить на его грудь и больше упираться на посох. Юноша подался в ответ, стараясь не нарушать связь ворожбы.

- Вот, теперь вижу, - продолжал жрец, - гора у озера. С горы третий приток, льется вода. Тоненький ручеек, даже водопадом не назвать.

Трава прогорела.

- Как еще раз имя твое, юноша?

- Ведомор. – волнительно прозвучал голос.

- Агния, - обратился жрец, брось еловую ветку рядом с тобой в угли, живее.

Мать послушалась и встала поодаль от сына, не вернувшись на скамью. Женщина никак не могла унять беспокойство и волнующееся материнское сердце.

- Да, вот оно, пряталось. Тропа, единственная, из еловых ветвей выслана.

Только жрец договорил, как его рука отстегнулась от парня, будто по ней ударил робкая девушка, которая не терпит вмешательства в личное пространство. Старик отшатнулся и упал бы, если бы Ведомор не поймал его под локоть. Восстановив равновесие, старец уселся на лавочку, где должна была быть Агния. Мать же быстрым шагом двинулась к сыну и ладонями обхватила его лицо. Убедившись, что он в порядке, оба подошли к старцу. Жрец не стал дожидаться вопросов и начал сам.

- Тропы в моих видениях указывают на очевидные жизненные пути. Деревья на Род, а вода на силы и таинства, окружающие твою судьбу. Судя по величине доступных тебе таинств, ты еще слишком юн, чтобы воспринимать свой чертог.

Старец тяжело дышал, ему нелегко давались видения, особенно такие сложные. Мать и сын молча слушали, боясь перебить и без того расплывчатые образы ответов, которые хотели получить. Жрец вытащил из кармана деревянный резной медальон. Он был чистым и полированным, словно только что вырезанным.

- Послушай меня, Ведомор, - захрипел старец, протягивая оберег, - это поможет раскрыться твоему чертогу. Носи его постоянно, но используй только в крайних случаях.

На какое-то мгновение мать хотела выхватить медальон, чтобы первой его изучить, но осеклась, боясь проявить излишнюю тревожность о сыне. Кроме того, каждый знает, что подобное рвение может оскорбить, как жреца, так и еще эмоционально неустойчивого юношу. Сле-

довало проявить доверие к сыну, нельзя приготовить ужин, не наломав дров, так же и с решениями. Чтобы принять верное, нужно понимать и что-то такое неверное решение. А этому Ведомор может научиться только сам.

- Твоя душа и твой дух нестабильны. Далеко не убежать, если одна нога сильная, а другая сломана. Ты уже знаешь свой путь. Оберег снимешь, когда сам сочтешь нужным. А я устал.

С хрипом, опираясь на посох, старик поднялся на ноги. На попытки юноши помочь ему любезно отказался жестом руки. Тяжелой поступью свинцовых сапог он проследовал в дом, плотно закрыв за собой деревянную дверь. Семья покинула дом жреца и направилась в деревню. В большой водной заводи у моста заквакали лягушки в отдельных ответвлениях речушки, больше напоминающие маленькие озера. Покачивался одинокий камыш. Солнце уже садилось, помимо лягушек были слышны только скрипящие мостовые доски от шагов матери и сына. Птицы не пели, доносились далекие звуки запоздалых жуков. Ведомор рассматривал надетый на шею амулет чертога медведя, работа грубая, но точная. С виду это была обычная деревяшка на плетеной бечёвке, но парень ощущал какую-то непонятную легкость от того, что носит этот оберег. С него словно сняли тяжелый мешок с зерном, который он носил со времен обряда имянаречения. Проходя по деревне, встречались запоздалые жители. Где то вдалеке послышалась брань скотовода на своего сына, что тот не привязал козу, и она ушла в лес. Кузнецы ходили по главной улице и зажигали масляные фонари. А молодая соседка внушительных форм собирала остатки сухого белья с улицы. Тусклый, но теплый свет от свечей освещал путь. Мать с сыном шли молча, приспосабливаясь загадочностью ситуации.

- Сын.

- Мама?

- Ты знаешь, о каком пути говорил жрец?

- Нет.

Дальше вновь тишина.

На пересечении главной дороги и тропинки к дому стоял Ратимир. На его руках сопел маленький завернутый в одеяло калачик. Отец заметил на груди сына оберег чертога и посмотрел на супругу. Она дала понять, что не обошлось без вмешательства, и без ворожбы не обошлось. Тревожный взгляд супруги постепенно сменился на спокойствие. Главе семейства оставалось только вздохнуть с облегчением, что все закончилось.

Ведомор ворочался всю ночь. Одеяло и перьевая подушка казались неудобными и scomканными, а печь и вовсе кирпичной кладкой впивалась в суставы и кости. С каждым поворотом медальон переваливался с одного плеча на другое, а лежа на животе, он предательски вставал ребром и впивался в грудь. Все казалось неудобным и незнакомым в привычной постели на печи. Постоянно менялась температура избы, духота поднималась к потолку попеременно со сквозняком из открытого окна. Это раздражало. Наконец Ведомор спустился с печи и вышел на улицу остудить пыл и проветриться. С возрастом тяжелая дверь стала лучше поддаваться ему, впрочем, и отец недавно обменял у кузнецов какое-то особое масло и смазал дверь. Во дворе стояла освежающая прохлада. В начале осени это нормальное явление, когда днем солнце еще жарит, а по ночам земля успевает остыть, источая небольшую испарину, плавно переходящую в легкий туман. Скотина спокойно спала в хлеву неподалеку. В кустах у самого забора медленно и флегматично кружила пара светлячков, в ночной тишине их медленный танец казался волшебным и завораживающим. Приятным было и то, что тишина не была звенящей. Со стороны леса слышался зов совы, в кустах и поле стрекотали кузнечики, в стойле жужжали мухи, отгоняемые хвостами лошадей и коров. Звуки природы окутывали славянское поселение. Натянув на ноги обмотки из сыромятной кожи, юноша вышел в поле в сторону своего любимого места. Это был небольшой пригорок с парой поваленных бревен, между которыми был наст из сена, отлично подходящий для сладкого сна в знойную летнюю жару. Посреди этого пригорка, между бревен, стоял старый широкий пенёк. Когда то здесь был большой рослый дуб, из которого выре-

зали идол. Неизвестно почему это дерево было выбрано жрецами, но это решение оставило скотину без дневной тени и вынудило стягиваться ближе к лесу, чтобы охладиться в жаркие дни. Там же, у самого леса, текла мелкая, не выше колена, шустрая речка. Вода была холодной из-за скорости течения, но ключевой не была, хоть и считалась довольно чистой. Раскинув руки в стороны юный Ведомор шел по полю собирая ладонями с травы и колосьев ночную росу. Он умывался ей, обретая свежесть мыслей и спокойствие души. Спустя половину поля показался любимый пригорок, на котором, к его удивлению, мерцал едва заметный огонек, не похожий на светлячка. Он был искусственным, как свечка, если пламя вообще можно назвать «искусственным». Так и было. Подойдя ближе, юноша заметил девушку, которая в сиянии свечи изучала какую-то книгу и бормотала себе под нос. С каждым шагом ее речь становилась более разборчивой, а очертания тела и волос более четкими. Девушка заметила парня и ловким движением собрала волосы в хвост, подвязав их лентой. После чего волосы спрятала под светло-серое платье за спиной, украшенное традиционными деревенскими узорами. Неприличным считалось предстать растрепанной и с распущенными волосами перед мужчиной, которого она явно не ожидала увидеть в поле глубокой ночью. Юная славянка медленно закрыла книгу, одним пальчиком поправляя закладку, после чего встала и поднесла свечу поближе к своему гостю.

- Это ты, Ведомор? – Послышался мелодичный девичий голос. – Ты сильно вырос с последней нашей встречи.

- Доброй тебе ночи, Олеся. – Юноша указывал на бревно, предлагая присесть к разговору. Девушка кивнула. – И вправду, много времени прошло.

Ведомор довольно свободно уселся на бревно, локтями опершись на свои колени. Девушка же поправила подол и медленно присела на соседнее, почти напротив, пытаясь держать спину ровно. Коленки повернула в сторону, как того велели приличия. Ладная, с коричневыми волосами цвета коры дуба и острыми чертами плеч. Улыбалась девушка не ртом, а всем лицом, и глазами и мимикой выказывая радость встречи. Книгу она положила себе на колени, поигрывая пальчиками розовой ленточкой, которую использовала как книжную закладку. Любопытным взглядом она заглядывала в лицо Ведомора.

- Матушка мне наказывала, чтобы... - начала Олеся. Осознавая ситуацию, юноша не хотел заставлять ее произносить это, потому и прервал фразу.

- Всем так матушка сказала, не переживай.

- Но я смотрела за тобой! – Оживилась девушка. Ведомор ощущал, как юный взгляд бегаёт по всему его телу. – У тебя здорово получается мечом махать. Но так боязно, когда высекаются искры и звук противный, этот ваш лязг металла.

Разговор шел в полголоса, никто из присутствующих не желал прерывать магическую тишину ночи. Каждая фраза приобретала оттенок таинственности на фоне ночных звуков. Девушка в момент замолчала, приподнялась и осмотрела поле. Вокруг все также царилась ночь, которая переливалась в колосистой траве.

- Ты умеешь читать? – Уточняла Олеся, переминая в руках книгу с твердым переплетом, демонстрируя желание поскорее ее вновь открыть.

- Я понимаю слова, но мало читал. – Ведомор смущенно отводил взгляд. – У нас дома нет книг.

Олеся была очень внимательной девушкой и в неловкости юноши увидела страдание не об отсутствии книг, а о невозможности их достать. Два широких шага и она ловко присела рядом. Села ровно, параллельно спутнику, стараясь не косить взгляд. Книга куда крепче сжималась ее тонкими ручками. Спустя мгновение она протянула ее Ведомору, не глядя в глаза.

- Вот. Ознакомься.

Увесистая книга зеленоватого оттенка, толщенной не менее вершка, уткнулась в плечо юноши в ожидании новых рук. Ведомор послушался, забрал книгу, и рассмотрел на обложке узор в виде дерева, оставленный клеймом, какими обычно клеймят дубленые вещи. На пер-

вой странице большими буквами красовалась надпись «Слово живет при Роде». Юноша читал медленно, по слогам, затем повторял целикомими словами, а уже на третье прочтение пытался понять смысл прочитанного. Девушка жадно улавливала взглядом каждую букву, вылетающую из уст молодого славянина. Обычно книгами интересовались люди для своей профессии или по необходимости. Так что редкостью было встретить статного умелого юношу, способного читать. Пусть и не быстро, но читать ведь.

- Я плохо понял смысл, - задумчиво обращался за помощью Ведомор. Он был сосредоточен на книге, отчего вся неловкость улетучилась, - о чем она?

Славянин обернулся, поймал на себе восторженный взгляд Олеси. Девушка смотрела на него, почти забыв как дышать. Пытаясь успокоиться, она резко повернула голову к книге.

- Это игра слов. Послушай, - уже более спокойно, голосом наставника, - «при Роде» и «природа». Созвучно ведь?

Юноша кивал, казалось, она сейчас открывает ему целые звездные тайны. Теперь уже юный славянин проглатывал каждое слово и букву, сотканые тонкими розовыми девичьими губами.

- То, что нас окружает, вся природа, деревья и реки, это воплощение наших мудрых предков. Все, созданное Родом, остается «При Роде», ровно, как и мы с тобой.

Общение захватило молодых, они осыпали друг друга вопросами и ответами едва успевая глотать воздух. Девушка рассказывала об учениях книги и истории, что в ней сохранилась. Олеся утверждала, что деревья, как и все, воплощенное в Яви²⁵¹

¹ Явь – название реального воплощения осязаемого мира. Сегодня видоизменено: «вижу, как наяву».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.